

В эфире с молодостью вместе

Молодежная редакция на Центральном телевидении всегда считалась самой яркой, изобретательной и творческой. Была у нас своя заставка, свой фирменный знак: в левом углу титра размещались две головки - юноша и девушка, а в центре надпись: В ЭФИРЕ МОЛОДОСТЬ. Кто-то из участников сочинил такую песенку:

*Пусть не герои мы пока,
Но и не топчемся на месте,
Ведь мы не хуже «Огонька»,
Ведь мы не хуже «Огонька»
В эфире с молодостью вместе.*

Мой переход в Молодежную редакцию состоялся осенью 1965 года. Тогда оказалось вакантным место редактора самой популярной передачи телевидения - КВН. Елена Гальперина, первый редактор и одна из его создателей, поступила в Высшую партийную школу. Без этого диплома нечего было рассчитывать на продвижение по служебной лестнице. Второй редактор, Марат Гюльбекий, как только понял, что должность заведующего отделом ему не светит, перешел в другую редакцию. Словом, Клуб Весёлых и Находчивых остался без «руководящего кадра». И выбор режиссёра КВН Беллы Сергеевой почему-то пал на меня. А то, что Белла Исидоровна задумывала, она доводила до конца. Я была в полном смятении. Это легко понять: ни много, ни мало, а 10 лет жизни безраздельно отдано Детской редакции. Она меня взрастила, выучила, привила вкус к телевидению. Ей я обязана своим становлением как журналиста. Меня окружали замечательные люди и верные товарищи. Как боязно было всё это в единый миг бросить! Тут-то я и поняла, что значит: «И хочется, и колется, и мама не велит». Моя мама, наоборот, всячески подталкивала меня совершить этот марш-бросок: «Неужели тебе не надоели пионеры, линейки, костры, бессмысленный сбор всяческой макулатуры. Посвятить этому жизнь - непростительная глупость». И я, словно в омут головой, бросилась в КВН, хотя не считала себя особенно весёлой, а уж тем более находчивой.

Начинать всё заново - ох, как трудно! Но войти в дело, которое создано задолго до тебя и уже набрало предельную высоту, - куда сложнее. Что остаётся? Перехватить на марше знамя, при этом не уронить его и нести дальше, дальше, покуда хватит сил... Когда я пришла в КВН, ему уже было полных четыре года. Его популярность превзошла видимые и невидимые ожидания. Не только жизнь в провинции, но и в Москве замирала на те два часа, что был он в эфире.

*В урочный день, в урочный час
Мы снова рады видеть Вас,
Веселых и находчивых друзей!
Берите в руки карандаш –
Мы начинаем вечер наш,
Садитесь потесней...*

И действительно, все усаживались рука к руке, плечо к плечу и, словно замороженные, следили за весёлыми баталиями, что разворачивались на экране. По сводкам Управления внутренних дел в эти часы повсеместно сокращалось количество преступлений. А Мосводоканал даже подсчитал, во сколько раз уменьшилось потребление воды в столице. Видно, пока шёл КВН, никто не стирал, не готовил, не пил чай и даже минимально пользовался туалетом! Ну, разве это не показатель популярности! Итак, за четыре года у передачи сложились свои и очень прочные традиции, своя авторская группа: Альберт Аксельрод, Сергей Муратов и Михаил Яковлев, свой принцип отбора команд, шкала оценок жюри. Это целиком устраивало и творческую группу, и команды, и зрителей, которые привыкли, что во всех передачах обязательны разминка, домашнее задание, выездной конкурс и под финал дуэль капитанов, подчас решающая исход соревнований. На мои робкие попытки привнести что-то новое Белла Сергеева неизменно отвечала: «Это невозможно! Это не примут команды! Это не устроит болельщиков!» Я не обижалась, поскольку чувствовала свою полную некомпетентность в деле, за которое взялась исключительно по собственному недомыслию. Говорят, если зайца долго бить, он научится зажигать спички. Кое-чему научилась и я, правда, ценой горького опыта. Но об этом чуть позже. А пока надо было

разбираться в законах жанра. Пожалуй, лучше всего их выразил один из новых авторов, которого мне не без труда удалось уговорить поработать на ниве КВН. Имя автора - Борис Васильев. Вот что он писал: «Истоки КВН лежат в глубине истории, и в этом смысле игра стара, как мир. КВН - игра, и как всякая игра, он обладает своими внутренними законами и внешними правилами. Правила можно выучить, законы надо понять. Человеку свойственно стремиться к победе. И дело здесь не в «проблеме свободного времени». Во имя победы человек готов не спать даже ночью. Человеку свойственно радоваться победам. Он стремится не к тому, чтобы хорошо отдохнуть, а к тому, чтобы сопереживать вместе с победителем! Какой уж тут отдых. КВН - это и игра, и соревнование, и эстрадное представление. Оно включает в себя все три элемента, но не всякое смешение этих элементов есть КВН. У КВН много предков, но у него нету брата-близнеца». Точнее, пожалуй, не скажешь.

С лёгкой руки TV КВН шагнул за рамки экрана. В него начала играть страна: он прочно обосновался на заводах и фабриках, институтах и воинских частях, школах, ПТУ. Все они обращались к нам за помощью, просили прислать сценарии. В 1968 году издательство «Советская Россия» решило выпустить книгу о КВН, а мне и Белле Сергеевой предложили стать её авторами. Времени для литературной работы у нас практически не оставалось, и тогда мы, в свою очередь, попросили Бориса Васильева нам «подсобить», написать вступительную или, как бы сегодня сказали, «концептуальную» статью. В издательстве запротестовали - он для нас человек неизвестный, найдите кого-нибудь другого, с именем! Я пыталась объяснить, что Борис Васильев - профессиональный литератор, что снято несколько художественных фильмов по его сценариям, но издатели упрямо стояли на своём. Кое-как удалось сломить их сопротивление, и имя его всё же появилось в списке авторов. Знали бы они, что всего через пару лет «неизвестный» Борис Васильев опубликует в журнале «Юность» повесть «А зори здесь тихие» и в один день станет знаменит. А потом выйдут: «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей», «Были и небыли»... Но всё это потом, а тогда, впрочем, как и сейчас, коли нет у тебя звучного имени, если не засветился ты на телеэкране, двери перед тобой автоматически закрываются, и поезд умчится в синюю даль, оставляя тебя в гордом одиночестве куковать на платформе... Но это к слову...

Я хорошо помню своё первое знакомство с командой. Заявку на участие в игре сезона 1965-66 гг. подали студенты Московского государственного педагогического института им. Ленина, МГПИ. Мы назначили им день встречи, но ничего хорошего от этого знакомства не ждали. Институт, где 95% - девушки, вряд ли может рассчитывать на успех в сражении с лихими мужскими командами ведущих технических вузов Москвы. Но дерзать никому не запретишь. Приехали, и... о, чудо! Команду МГПИ представляют одни юноши! Да какие! Все, как на подбор, красавцы. Самый остроумный из них - капитан Вася Киселевич. Стали они показывать уже подготовленное и отрепетированное приветствие. Всё выверено до секунды, безукоризненно по вкусу и точно по существу. Появление на экране юношей из самого «женского» института уже само по себе стало сенсацией. И вот как выглядело приветствие команды МГПИ:

Раздается обычный школьный звонок. На сцену выбегают и строятся в шеренгу все участники, при этом стоят они боком к залу. Звонок смолкает, и звучит марш. Все маршируют на месте

Капитан: Работники просвещения! В своём развитии на месте... не СТОЙ! Раз-два!

(Команда останавливается)

Капитан: К болельщикам и зрителям ЛИЦОМ... повернулись! Раз-два!

(Команда поворачивается.)

Капитан: Внимание, речёвка! Всем...

Все *(хором)*: ...присутствующим!

Капитан: Всем...

Все *(хором)*: ...отсутствующим!

Капитан: Юмор...

Все *(хором)*: ...чувствующим!

Первый: И тем, кто помнит свою первую учительницу...

Все: Привет!

Поют:

*Известно всем давно на свете,
Так было, будет так всегда,
Ученье - свет, учитель - светоч,
А неученье - значит, тьма.*

*В глухой тайге, где волки рыщут,
Там, где машина не пройдёт,
Там педагог детей разыщет
И обучать тотчас начнёт.
И у доски он встанет смело
Среди чужих, но милых глаз.
Учеников он первым делом
Научит азбуке сейчас.*

Капитан: На самых весёлых и самых находчивых... РАВНЯЙСЬ! *(Все смотрят на жюри.)* Проигрывая или выигрывая - веди себя... СМІРНО! *(Все вытягиваются.)* На вопросы отвечай так, чтобы зрители смеялись не...ВОЛЬНО! *(Все выполняют команду.)* Проверим. Что такое КВН?

Первый: Прекрасное средство вылететь из института!

Капитан: А что такое жюри?

Второй: Организация, призванная следить, чтобы детские шалости не переходили во взрослые глупости!

Все *(припав на одно колено)*: Жюри, не раздавай очки направо и налево!

Капитан: А для того, чтобы голова не пошла... КРУГОМ! *(Все поворачиваются),* следует двигаться только ВПЕРЁД!

Команду МГПИ сразу полюбили зрители. Той же весной в десять раз вырос конкурс в институт. В учителя пошли юноши - умные, талантливые. Вот вам и КВН! Желание участвовать в игре высказали и студенты 1-го медицинского, потом ФИЗТЕХа, МИИТа. Какой разброс профессий! А сколько смельчаков и острологов! Среди них были личности выдающиеся. Не боюсь этого слова. Разве можно забыть Славу Хоречко из института Нефти и Газа им. Губкина и Матвея Левинтона из медицинского. Были они непохожи друг на друга. Худой, сутуловатый, некрасивый, к тому же желчный Слава и толстый, чуть неуклюжий, добродушный Мотя. Оба умны, остры и оригинальны. Слава был не только блистательным капитаном команды, но и главным сочинителем всех реприз и песен. Забегаю вперёд и вспоминаю одну из них. Смеем думать, что эта песня - прямое продолжение «Арбата» Булата Окуджавы.

*С эскалаторов веером сходит народ,
Поезд вылетел лентой синею,
Приглушённо звучит в микрофон:
«Переход на Арбатско-Покровскую линию».
И когда ещё здесь не ходили в кино,
И неон не горел над столовой,
Разметая повозкой февральскую ночь,
Мчался Пушкин к своей Гончаровой.
Пусть церквами и храмами ты не богат,
На тебя поглядишь - замечтаешься,
И как верно сказал Окуджава Булат,
Ты нигде никогда не кончаешься.
Переулки твои разлетаются прочь
И кончаются там, за закатами,
Прицепившись за буфер, катается ночь
По Арбату на тридцать девятом.*

А теперь я возвращаюсь к первому появлению в КВН команды Нефтегаза во главе со Славой Хоречко. Под музыку из кинофильма «Остров сокровищ» выходят вразвалочку игроки. У каждого левый глаз завязан черной лентой, на головах - косынки. Ни дать, ни взять - настоящие пираты.

Все поют:

*Черепу давно мы с наших флагов сняли —
Нам сказали: «Вот ещё!», и мы решили снять,
В общем, если нету слабонервных в зале,
Думаем, что можно начинать.*

*Юмором забиты до отказа наши трюмы,
И попутный смех нам раздирает паруса.
Кто сказал, что мы суровы и угрюмы?
Дайте нам его на полчаса!..
Мы ему всё растолкуем, как сумеем,
И его весёлый стон вольётся в общий хор...
Скуку - на рею! Пошлость - на рею!
Чванство и ханжесство — за борт!*

Капитан:

*Эй, там, с бочонком, шевелись давай скорее,
Мы начинаем с друзьями задушевный разговор:
Серость - на рею! Грубость - на рею!
Скуку, чванство, ханжесство — за борт!*

Слава Хоречко в роли предводителя пиратов был неподражаем. Но что могло сравниться с улыбкой Моти Левинтона? Телевизоры в ту пору были маленькие, вернее, экраны, и его улыбка действительно занимала его добрую половину. Я и сейчас не знаю актёра, чья улыбка была бы такой светлой, лучезарной, безмятежной. После первых же выступлений в КВН на Мотю набросились, аки волки, кинематографисты. Ему сулили роли, прельщали гонорарами. Ох, как это было соблазнительно при его нищенской стипендии, а потом и не менее грошовой зарплате. Он пробовал сниматься в кино, год работал с Эдди Рознером, вёл концерты и читал с эстрады свои миниатюры. Радости и удовлетворения это не приносило, но главное, сердце его по-прежнему принадлежало медицине. Она и взяла верх! Я нашла в своём архиве текст песенки, которую сочинил Мотя после своего неслыханного успеха в КВН. Он всегда признавал, сколь хрупка и изменчива слава, и чем, в конечном счёте, может она обернуться.

*Жил я чинно, по порядку, и рекламы не искал,
И в автобусе украдкой три копейки опускал.
Было время - рестораны и театры посещал,
И никто тогда вниманья на меня не обращал,
Но, не подумав, вылез на экран,
Теперь на улице и в магазине:
«Ведь это Мотя-капитан, ведь это Мотя-капитан!»
Мне шепот слева, справа или в спину.
И к тому же на работе респектабельный народ,
КВН там не в почёте, а совсем наоборот,
И профессор, как агрессор, нападать ему не лень,
Целый день твердит профессор: «Это вам не КВН».
И что ему месткомы не страшны,
Что гастролёрам нет у нас прощенья,
Что не артисты нам нужны, анестезисты нам важны,
И что могу писать я заявление...
А домой придешь, и сразу, не успеешь дверь открыть.
«Не затем я вышла замуж: чтоб тебе посуду мыть,
Из-за этих репетиций я одна всё время, но...
Мне пока ещё не тридцать, и не всё потеряно!
Из четырёх не вылезая стен,
Семья по швам трещит, а он спокоен,
И мне плевать на КВН, и мне плевать на КВН,
А жизнь свою я как-нибудь устрою!
Чтоб здоровье не угробить, избежать подобных сцен,
Выбирай любое хобби, исключая КВН.
Собирай любые марки и монеты разных стран,
Пусть уж лучше нумизматик, но зато не капитан!»
А КВН начнут передавать,*

*Заваришь кофе, включишь телевизор,
И не очки тебе считать, и не жюри тебе ругать,
Не скрежетать зубами за кулисой.*

Мотя был отличным врачом. После тяжёлого инфаркта ему советовали бросить работу. Он сердился и отвечал: «Если бы вы знали, как плох уход в больницах, как нуждаются люди в доброте. Нет, мои руки ещё могут пригодиться...» Как и его товарищ, Альберт Аксельрод, он выбрал себе стезю реаниматолога. Наверное, ни с чем несравнимое счастье возвращать людей к жизни или дарить им вторую жизнь! Увы, этого не случилось с Матвеем. Он лежал в больнице. Его пришёл навестить Алик. Посидели в палате, поговорили по душам. Алик собрался уходить, а Мотя вызвался проводить его до лифта. И пошли они вместе по длинному коридору, шутили, Мотя напевал какую-то весёлую песенку и вдруг пошатнулся... Алик успел его подхватить, и сразу в реанимацию... Нет нужды говорить, что делал лучший реаниматолог страны, профессор Альберт Аксельрод, спасая друга. Чуда не произошло. Моте не было и сорока. А двумя годами раньше, возвращаясь после короткого отдыха, в автокатастрофе погиб Слава Хоречко.

Многих талантливых капитанов знает КВН: Юрий Радзиевский, Валерий Хаит, Ефим Аглицкий, Саша Янгель, Юлий Гусман, но Слава и Мотя куда самобытней, тоньше, оригинальней, неповторимей. Увы, с таким несправедливо малым счётом закончилась их игра, которая называется Жизнь!

Три полных сезона отработала я редактором КВН. Срок мизерный, если учесть, что этот клуб - долгожитель. Он и по сей день занимает почётное место в телеэфире. КВН - подобно вирусу, распространяется с бешеной скоростью, захватывая не только города, республики, но и ближние и дальние страны. Правда, за океаном играет «всё бывший наш народ». Америка, Израиль, Австралия!!! Шутка ли? Наверное, только КВНа и не хватает для полного счастья нашим соотечественникам! А уже написано о КВН так много, что поначалу я решила о нём вовсе не вспоминать. Всё сказано-пересказано, обсосано до последней косточки. Остроты КВНщиков давно стали разменной монетой. Уже не секрет, как зорко и пристрастно «наблюдали» за вольностями весельчаков на Старой площади. И всё же рука так и тянется написать о нескольких фактах, как говорится, имевших место быть в дни моей работы редактором Клуба Весёлых и Находчивых. Такой вот маленький штрих к групповому портрету передачи и времени!

В 1967-м играть в КВН надумали одесситы. Предварительно они проводили у себя ряд отборочных туров, дабы выявить лучших из лучших.

Заключительную встречу было решено транслировать по Центральному телевидению. Надо при этом помнить, что КВН в те давние времена не записывали на плёнку. До видеозаписи было ещё так далеко, как до небес. А с прямым эфиром шутки плохи! Это мы уже знали на примере ВВВ! И хотя передачу готовили одесские телевизионщики, мы с Бэллой Сергеевой отправились в порто-франко, чтобы помочь начинающим командам, а заодно и коллегам. Одесситы встретили нас чрезвычайно тепло. Поселили в гостинице «Лондонская», возили по городу, знакомили с его достопримечательностями. И среди них, естественно, с памятником дюку Ришелье. Мы начали работать с командами. Они охотно показали нам вопросы разминки. Вопросы, как и положено, каждая команда готовила втайне друг от друга, а мы, по неписаному закону КВН, обязаны были хранить эту тайну как зеницу ока. Один из вопросов команды, возглавляемой Валерием Хаитом, вызвал у нас, мягко сказать, недоумение, а точнее, показался плоским и несмешным. Был он сформулирован так: «Что держит в руке дюк Ришелье?» Свои сомнения мы тут же высказали ребятам. Но те с невероятным пылом и жаром объяснили нам, неофитам, что именно этот вопрос вызовет интерес зрителей. «Поверьте на слово, наши земляки его оценят», - настаивали они. И мы, простодушные, поверили хитрецам. Затем они показали «домашнее задание». Насколько я помню, речь шла о благоустройстве родной Одессы. Действие происходило в одном из городских садов. Когда там появлялся новый персонаж, его спрашивали: «Ты зачем пришёл в наш садик?»

Но вот и настал день эфира. Бэлла, по просьбе своих коллег, пошла в ПТС - передвижную телевизионную станцию, а я заняла место в зале. И началась игра! Действительно, как только прозвучал вопрос о даже Ришелье, поднялся гомерический хохот. Он долго не затихал, и я, грешным делом, решила, что ребята были правы, значит, попали они в самое яблочко! И вопрос о садике тоже вызвал весёлое оживление публики, особенно молодёжи. Словом, всё проходило по намеченному сценарию. Наконец дело дошло до конкурса болельщиков. Каждая команда приготовила по несколько плакатов-приветствий своим поклонникам. И вот уже с балкона опускают один из них: «Привет девушкам из города Куйбышева!» Оригинальностью он явно не отличался, и очков команде не принёс. Могла ли я

предположить, что именно этот безобидный плакат станет последней каплей, переполнившей терпение председателя Гостелерадио Николая Николаевича Месяцева! Он, не дожидаясь конца игры, позвонил в аппаратную на Шаболовку и дал строжайшее указание немедленно убрать КВН из эфира! На экране появился титр: «Перерыв по техническим причинам». А в Одессе трансляция продолжалась. Только после конца передачи Бэлла шепнула мне на ухо: «Нас выкинули из эфира!» Какая до боли знакомая ситуация! А ведь со времён ВВВ прошло ровно 10 лет. Помнила я отлично и последствия той весёлой игры. Оставалось ждать приговора. Мы понуро поплелись в «Лондонскую», отчётливо понимая, что «дело пахнет керосином». Никто в тот вечер из Москвы нам не позвонил, и это было дурным признаком. На другое утро мы сели в поезд. В дороге всё больше молчали. Да и что обсуждать? И без того ясно: участь наша решена. Вопрос лишь в том, что запишут в трудовую книжку. И вот, наконец, Москва. Из вагона мы вышли последними, да и ехали в последнем вагоне. К этому времени перрон уже опустел. И вдруг где-то на уровне паровоза я увидела скорбную мужскую фигуру. Она медленно приближалась к нам. Это был мой отец.

- Бэлла, наше дело - дрянь, - сказала я подруге и товарищу по несчастью.
 - С чего ты взяла? - прикинулась она бодрячком.
 - Посмотри на папу. Его вид красноречивей всяких слов. Как только мы поравнялись, я выпалила:
 - Скажи честно, нас уже уволили? Отец как-то виновато улыбнулся:
 - Ну почему же так категорично? В жизни и не такое бывает. Может быть, и обойдётся...
- Утешение было слабым.

Теперь о том, что же произошло на самом деле. Да, одесситы допустили парочку острых фраз, да, позволили себе несколько сомнительных шуток. Не это решило исход дела. Больше всего раздражало начальство само их присутствие на экране, их вид, их лёгкость, независимость, а пуще всего фамилии. Ох, как раздражали эти фамилии! Уже тогда не стеснялись говорить вслух, что КВН - игра людей одной национальности, не «кавказской», конечно, но тоже не вызывающей симпатий. Хотя были среди участников и Валя Крапива, и Юра Волович, и Миша Малеев, но большинство...

Спрашивается, почему именно в момент появления плаката о девушках из города Куйбышева лопнуло терпение нашего председателя? Оказалось, ходил тогда в народе один не очень приличный анекдот о морячке, которому при учебных стрельбищах оторвало часть его мужского достоинства. Лежит тот морячок на операционном столе и молит хирурга спасти его и пришить оторванную половинку. «Иначе, и жить-то не стоит!». А хирург его утешает: «Не тужи, браток, и того, что осталось, вполне хватит для любовных утех». И в доказательство приводит фразу, которая ясно читается благодаря наклейке: «Привет девушкам из города Куйбышева». А пострадавший ему и отвечает: «Доктор, а ведь раньше умещалось ещё и - «от моряков Черноморского флота». Вот такие, с позволения сказать, шуточки разрешали себе беспечные одесситы, дай им Бог здоровья! А в Москве не шутили! В Москве заседало ЦК! И было строго указано товарищу Месяцеву, что подобные безобразия отныне терпеть не станут, и не допустят, как метко сказала когда-то команда МГПИ, чтобы «детские шалости переходили во взрослые глупости». А людям, работающим в КВН, и вовсе доверять нельзя. Они близоруки и аполитичны. Выводы напрашивались сами!!! Вот и пришёл роковой час... Пока мы всё ещё ходили на работу. Никуда нас не вызывали, начальство не замечало: что мы есть, что нас нет! Коллеги смотрели с жалостью, а друзья подшучивали: пора, мол, сушить сухари, в КВН можно играть и в местах не столь отдалённых! А дело стояло, хотя дата очередной встречи была давно объявлена в эфире. И вдруг... О, проведение судьбы! Нам разрешили работать. С чего бы? И кто мог за нас заступиться? Оказалось, всё тот же Николай Николаевич Месяцев. Как это произошло, я и по сей день не знаю. Думаю, да простит он меня, спасая нас, он в какой-то мере выгораживал и себя. Ведь ему тоже могли припасть недальновидность, неумение подбирать кадры и руководить ими. Главное, страшная участь быть уволенными нас миновала! Даже выговора не записали в трудовую книжку. Чудеса, да и только!

И вот мы снова встречаемся с командой одесситов. Они чувствуют себя крайне неудобно. Прячут глаза: «Знает кошка, чье мясо съела». Сели мы с ними в кружок, и я взяла слово. Вот приблизительно как выглядела моя «тронная речь»: «Дорогие наши друзья! Прежде всего, примите наши извинения. Мы крепко виноваты перед вами...» Ребята насторожились, явно не понимая, куда я клоню. А я продолжала: «Мы виноваты в том, что не поняли тонкого одесского юмора! Да, мы много раз ходили мимо памятника дюку Ришелье, видели свиток в его руке, но, к несчастью, не догадались посмотреть сбоку. Может быть, тогда бы мы уловили намёк на то, что именно напоминает вам свиток! Но как вы сами могли позволить подобную пошлость выдать в эфир?» Ребята опустили головы и молчали. А я не давала им спуска: «А

ещё мы просим прощения за то, что не распознали тайный смысл фразы: «Ты зачем пришёл в наш садик?» Ребята опустили головы ещё ниже. Тут я должна кое-что пояснить. Дело в том, что в середине шестидесятых столь модная сейчас тема гомосексуализма публично не обсуждалась и, честно говоря, мало кого интересовала. Люди этой ориентации всячески скрывали свои нетрадиционные отношения, хотя многие знали, что и в Одессе, и в Москве были у них «свои садики». Но это не означало, что сию интимную проблему надо вынести на всеобщее обозрение. Я уже не могла сдерживать эмоций и шла в наступление дальше...

- Виноваты мы и в том, что не знаем всех пошлых солдатских анекдотов.

- Каких анекдотов? - просто взвыли одесситы.

- Ах, невинные младенцы! Вы не знаете анекдот про морячка? - не давала я им опомниться. - Какие же вы хитрецы!

Одесситы клялись здоровьем пап и мам, будущих жён и детей, что даже не понимают, о чём идёт речь.

- А как насчёт приветов девушкам из города Куйбышева?

Они встали на колени! «Честное слово, не знаем». И не лукавили. А на самом деле всё было до нельзя просто: летом их студенческий отряд работал на целине рука об руку с отрядом Куйбышевского педагогического института. Ребята подружились. Как положено, завязались романы. Вот одесситы и послали своим подружкам в Куйбышев телеграмму с просьбой посмотреть передачу КВН. А в знак того, что «никто не забыт и ничто не забыто», написали тот «роковой плакат». Вот тут-то мы все вместе посмеялись и протянули друг другу руки! И одесситы пообещали, что впредь будут «поаккуратнее» в эфире и больше нас не подведут. Они-то слово сдержали, зато другие, уж очень весёлые и чрезмерно находчивые, нас часто подводили. Так, одна команда сочинила безобидную песенку о тех, кого хотят они взять с собой в дальний поход:

*Тра-та-та, тра-та-та,
Мы возьмём с собой кота,
Чижика, собаку, Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая и...
Мамая Николая...*

Это была чистой воды импровизация. Песня рождалась на глазах у зрителей. Наутро звонок из Промышленного отдела ЦК КПСС: «Что себе позволили эти молокососы! Мамай Николай - наш маяк! Он знатный шахтер, новатор, рационализатор, застрельщик, Герой соцтруда, депутат Верховного Совета СССР, кандидат в члены ЦК и т. д. и т. п. Кто позволил глумиться над рабочим классом?»

Или другой пример. Одна из команд спрашивает: «Что такое барашек и три звёздочки?» Соперники отвечают: «Это ужин в ресторане «Арагви» - шашлык и коньяк». «Нет, - говорят первые, - это зимняя форма полковника». Звонок из Генерального штаба: «Что позволяют себе эти рядовые необученные? На кого замахиваются? Полковников называют баранами! И кто отвечать будет за эти вольности?»

Вспоминаю ещё одну встречу. Под Новый год соревновались медики и миитовцы. По авторской задумке каждая команда должна была придумать праздничные тосты в честь друг друга. От лица медиков выступал студент 3 курса очаровательный грузинский паренёк. Кто, как не грузины, специалисты в этом виде творчества? Вот выходит он на авансцену с бокалом вина и говорит с приятным акцентом: «Я пью за наш дорогой железнодорожный транспорт. Очень дорогой!». Сразу после передачи звонок от высокого чиновника из Министерства путей сообщения. В гневе сам министр: «На что намекают медики? Выходит, у нас завышены цены на билеты? Да если хотите знать, у нас самые дешёвые в мире пассажирские перевозки. Пусть ваши горе-кавээнщики извинятся в эфире!» Вот таким грозным оказался министр. А ведь его питомцы, студенты Института железнодорожного транспорта, в той же передаче пели ему осанну: «Наш отец - товарищ Бещев, наша мама - МПС». Хвалу они принимали, хулу - нет! Потом пришло время обижаться органам здравоохранения. Миитовцы разыграли весёлый скетч под названием «ПОЛИКЛИНИКА». На сцене врач и пациент.

Пациент: Доктор, у меня сломана нога.

Доктор: Фамилия.

Пациент: Папочкин.

Доктор: Кем работаете?

Пациент: Железнодорожным кассиром.

Доктор: Вот вам бюллетень на три дня.

Пациент: А что, за три дня нога срастётся?

Доктор: Не срастётся - придёте, и мы вам продлим бюллетень ещё на три дня.

Актеры меняются местами. Врач превращается в пассажира, а пациент в кассира.

Появляется вывеска «КАССА»

Пассажир: Дайте билет до Владивостока.

Кассир: Фамилия, пол.

Пассажир: Мамочкин, мужской.

Кассир: Чем ездили в детстве? И как всё это у вас началось?

Пассажир: Вчера среди полного благополучия захотелось поехать во Владивосток. Дайте мне билет.

Кассир: Пожалуйста (*протягивает билет*).

Пассажир: А почему на три дня? Мне ведь ехать десять суток!

Кассир: Через три дня вернётесь, продлим ещё на три дня...

Крошечная сценка, а в ней весь абсурд наших идиотских правил! Как тут не злиться, как не гневаться? Кому охота, чтобы тебя так публично, при всём честном народе высекли?! Словом, «покой нам только снится». После каждой передачи мы ждали новых неприятностей. Но, как говорит русская пословица, «на каждый чих не наздравствуешься». Ровно за две недели до очередной встречи я теряла сон. А если и погружалась в короткое забытие, мне виделись соревнования, которые шли вопреки сценарию. Команды говорили что-то такое, отчего даже жюри приходило в замешательство. Я переставала улыбаться и все события собственной жизни воспринимала исключительно мрачно. В голове то и дело вертелись идеи новых конкурсов. Другими категориями я уже не мыслила. Жизнь превратилась в ад! А КВН здравствовал и вербовал всё больше поклонников. Вот уже стал наведываться в Москву посланец солнечного Азербайджана Юлий Гусман. Скромностью он уже и тогда не отличался, заверяя, что лучших игроков, чем в Баку, нам нигде не найти, и зазывал в гости. Поездка наша с Бэллой в Баку - особая страница. Чтобы выдержать этот натиск, это не знающее меры гостеприимство, надо было обладать не только железной выдержкой, но и недюжинным здоровьем, а, главное, великим чувством юмора. К счастью, оно нас не подвело.

Справедливости ради надо сказать, что способных, даже одарённых ребят там было действительно много, равно как и эмоций, бума, шума и напора. На кон было поставлено всё! Во что бы то ни стало защитить честь родного Азербайджана. Но, слава Богу, это было уже без моего участия. А сам вояж я помню до сих пор. Итак, мы летим знакомиться с командами, претендующими на участие в играх нового сезона. Настроение отличное. На дворе май. Говорят, что в Азербайджане это лучшее время года. Я сижу у иллюминатора. Самолет идёт на посадку. Выпущены шасси. Ещё немного, и мы в Баку! И тут я замечаю, как на поле расстилают красную ковровую дорожку. В полной готовности духовой оркестр. Чуть поодаль - два ЗИЛа.

- А знаешь, с нами летит правительственная делегация, - говорю я Бэлле.

- С чего ты взяла? - спрашивает она.

- Погляди в иллюминатор, и всё сама поймёшь.

- Тогда нас не скоро выпустят из самолёта, - замечает Бэлла.

Смотрю: подкатывают трап и выходят первые пассажиры. Оркестр почему-то молчит. Ещё одна группа спускается. Никто их не приветствует. Значит, делегация выйдет последней, - соображаю я. И вдруг узнаю в человеке, бегающем по полю, Юлика Гусмана. Он явно взволнован, жестикулирует и, судя по всему, даёт ЦУ - ценные указания. Какой-то человек устремляется к лайнеру и быстро поднимается по трапу.

- Бэлла, - шепчу я ей, - это нас с тобой так встречают! Честное слово!

- Какой ужас, - так же тихо шепчет Бэлла. - Мы не выйдем! Именно в эту секунду в салон врывается взмыленный юноша, пробегает вдоль кресел, замечает нас и с криком «Они здесь!» выбегает. Нам ничего не остаётся, как двинуться к выходу. Не успели мы появиться на верхней ступеньке трапа, как грянул оркестр! Воленс-неволенс, мы должны были пройти по красной дорожке. Команды КВН стояли по стойке «смирно». По взмаху руки Юлика они прокричали дружное «Ура!». От смущения мы не знали, куда себя деть, и крепко держались за руки, совсем как на прогулке в детском саду. Нас посадили в открытые ЗИЛы и в сопровождении эскорта мотоциклистов мы двинулись в сторону города. На каком-то километре машину остановило ГАИ. Милиционер потребовал от водителя предъявить права и долго

допытывался, кого именно везут с таким почётом. Честно сказать, мы перепугались. И вдруг суровый гаишник хитро улыбнулся и из коляски своего мотоцикла достал и преподнёс каждой по букету роз! Оказалось, все эти эффекты были предусмотрены «сценарием встречи».

Наконец машины въехали на главную площадь города. У подножия гигантского монумента вождю мирового пролетариата В. И. Ленину нас уже ждала толпа человек 150 - 200. Они что-то весёлое выкрикивали, поднимали над головами приветственные плакаты. Прочитать тексты мы не решались. Но вот приближается к нам сам Ходжа Насреддин. В руках у него хонча - поднос со сладостями. Он предлагает их отведать. Мы всё ещё пытаемся улыбаться, но это плохо удаётся. Минута-другая и под белы ручки нас ведут в сторону, где уже стоят два старинных фаэтона, запряженных красавцами-лошадьми. Меня сажают в один, Бэллу - в другой. Мы умоляем нас не разлучать, но - куда там! План есть план! Удивлять, так удивлять! И фаэтоны несут нас по улицам прекрасного города в гостиницу «Южная». Наконец мы одни! Можем перевести дыхание. Мы запираем дверь и до утра не подходим к телефону. Но утром начинается вторая серия сценария под названием: «Удивлять, так удивлять». Нас куда-то везут, что-то показывают, чем-то угощают. И вырваться из этого сладкого плена нет никаких возможностей.

Через день состоялась игра отборочного тура. Мы сидели в жюри. Зал приветствовал нас стоя. От неловкости мы краснели, бледнели и готовы были провалиться сквозь землю. А сами соревнования оставили хорошее впечатление. Юлик был прав, уверяя, что игроки у них очень сильные. В сезоне 1968-69 года команда Баку стала чемпионом. И ликовал весь Азербайджан! И ходили кавээнщики словно национальные герои. Но и тогда, и по сей день я продолжаю думать, что появление бакинцев - это начало конца КВН. Странное заключение, не правда ли? Не я ли несколькими страницами выше утверждала, что передача и сейчас «живее всех живых». Да, передача! Но не КВН, не игра весёлых и находчивых. Желание победить - желание естественное. Упорство в борьбе - вещь похвальная. Но девиз бакинцев был иным: «Победа любой ценой!» К своей работе они подключили лучших юмористов Баку, Харькова, Москвы. Всё было поставлено на профессиональные рельсы. Репризы заготавливались на все случаи, режиссура трудилась не покладая рук. Об учёбе или работе члены команды забыли напрочь. По звонку Юлика их освобождали на любое время. Сражаться с такой командой на равных было невозможно. Их победа была практически predetermined. С тех самых пор КВН из весёлой игры студенчества превратился в хорошо поставленное шоу. Сам по себе жанр прекрасен, любим зрителями. Но к игре, к соревнованию остроумцев и острословов это не имеет никакого отношения.

А я позволю себе ещё раз вернуться к истории КВН, к одной из игр настоящего клуба весёлых и находчивых. Было это в городе Горьком, «где ясные зорьки». Шла полуфинальная встреча. Соперники - команды Харькова и Горького. А на дворе весна. А потому все конкурсы мы задумали как «сезонные», т. е. посвященные весне. Сценарий написали мы с Бэллой Сергеевой. Один из конкурсов так и назывался: «Весенний набор для любимой». Согласитесь, такая тема давала волю фантазии и юмору. Накануне 8 марта мужчины сбивались с ног в поисках подарков. Лёгкая промышленность (напоминаю, это был 1967 год) выпускала убогий ассортимент товаров. Такой набор мы представили на сцене. Игроки могли им воспользоваться, а могли предложить и свой вариант. Как мы и полагали, кавээнщики выбрали собственный путь. Горьковчане были лириками, романтиками и представили композицию, посвященную прекрасным женщинам, посчитав это лучшим подарком любимой. Стихи и песни написали сами. В композицию включили и стихотворение режиссёра Горьковской студии, одного из самых талантливых людей, работавших на советском телевидении, открывателя многих непроторённых дорог нового вида искусства. Я хочу, чтобы имя это не забылось. Его звали Михаил Мараш. Вот эти стихи:

*Тебе
Из вагона дальнего следования
Я сердце своё послал
До востребования,
Как телеграмму
Самую нужную,
Самую знойную,
Самую вьюжную,
Самую краткую,
Самую длинную,
Необходимую, необходимую,*

*Самую злую
И нежную самую.
Сердце летит к тебе телеграммою
Из вагона дальнего следования,
Где-то между землёй и небом
Я сердце своё послал до востребования.
Только востребуй!*

Итак, это был вариант горьковчан. А харьковчане пошли другим путем. Их козырем стал юмор. Лучшим подарком для любимой, решили они, может быть только ЛЮБИМЫЙ. И вынесли на сцену завернутого в целлофан молодого человека в чёрном «жениховском» костюме с цветком в петлице и букетом в руках. Такой вот живёхонький, умытый, побритый, причёсанный жених! Этот конкурс они выиграли с большим счётом. С огромным успехом прошёл и конкурс под названием «Весенний вирус». Общеизвестно, что весна благоприятствует творчеству, вызывает неслыханный прилив эмоций. И поэтому каждая команда должна была создать миниатюру, где всё: имена героев и то, что они хотят сказать друг другу, должно начинаться с буквы «В».

Вот как выглядела одна из миниатюр.

Водевиль. Вариант второй. Весенний вечер. Выходной. Входит Валера, видит Веру.

Валера (вглядываясь): Великолепно! Виват! Восхитительный вечер! Верно?

Вера (восторженно): Верно! Весна!

Валера: Восторг! Выпьем?

Вера: Вдруг?

Валера: Возникло вдохновение. (Вдыхает весенний воздух.)

Вера: Вульгарно (выбегает).

Валера: Во, влип. В висках вибрация. Вера, вернись, Вера!

Вера: Впустую. Ваша выходка - вакханалия. Вы - ветреник.

Вон!

Выстрел.

Вера (вздрагивает): Вопиюще! Вопреки всему! Во всеуслышание! Во, время-времечко! Вандализм! (Выходит восвояси.)

Так проходило это весёлое соревнование действительно весной в воскресный вечер. Правда, перед самой встречей нам показалось, что горьковская команда слишком мельтешит за кулисами. Ребята о чём-то тихо переговаривались, делали друг другу какие-то знаки... Но мы не придали этому значения. Волнение перед игрой так понятно. Подвоха от них мы никак не ждали. Вступая в Клуб, команды давали клятвенные обещания соблюдать неписанный закон КВН: секреты могут быть только от соперников, но не от творческой группы. Словом, начинается вечер. Атмосфера замечательная. Ритм возрастает. Всё катится как по маслу. И вдруг... горьковчане неожиданно выносят на сцену гигантских размеров портрет Райкина, а сами выстраиваются в шеренгу справа от него.

- На Райкина равняйся! По порядку номеров рассчитайся! Поскольку первый в строю стоит как бы сам Райкин, счёт идёт от цифры два. Когда же дело доходит до предпоследнего, он обращается к замыкающему и произносит почти шёпотом:

- А ты не знаешь, почему не дали премии ему?!

Минуту зал молчит. Видимо, не сразу уловил смысл вопроса. И вдруг - шквал аплодисментов и крики: «Молодцы!» Понимаю, сейчас необходимо объяснить суть происшедшего. Дело в том, что утром этого дня по радио объявили лауреатов Государственной премии СССР. Фамилии всех кандидатов были заранее опубликованы в прессе, и Райкина в том числе. Разве мог кто-то усомниться, что он станет лауреатом? Но именно он, великий артист, в списках лауреатов не значился! Ребята отреагировали молниеносно. Как сумели они за несколько часов достать и увеличить его портрет, когда придумали репризу, - не в этом суть. Успели! На то они и находчивые! Свою гражданскую позицию они выразили прямо и смело, хотя отлично понимали: ни им, ни нам это с рук не сойдёт. Особенно нам... Но идея стоила того! А дальше всё было, как обычно. Наутро последовал звонок из агитпропа ЦК КПСС. Очередной окрик. Но нашлась в идеологическом отделе Горьковского обкома бесстрашная женщина, Инна Захаровна Борисова, которая объяснила высоким товарищам, что рабочие люди имеют право на

собственное мнение, тем более что устои родного государства они не подорвали. И знаете, подействовало. Наверное, потому, что, в отличие от студенческих команд, которым ничего не прощали, горьковчанам, как рабочей команде, всё сошло с рук. На самом деле в команду входил цвет инженерной мысли города, и был в ней всего один рабочий - Володя Карпей, талантливейший артист. Он и стал «прикрытием» команды. Да, горьковчанам это обошлось, но не нам с Сергеевой. Нам снова указали на нашу политическую близорукость и пообещали разобраться. А горьковчане вышли в финал, приехали в Москву и выиграли эту главную встречу. Когда мы отмечали их заслуженную победу, ребята, памятуя о том, сколько тяжёлых минут доставили нам своей «импровизацией», провозгласили шуточный тост - «За нашу команду рабоче-крестьянскую и за Марьяну Краснянскую!»

Но к этому времени вышеупомянутая Марьяна, серьезно поразмыслив о своём будущем, добровольно сошла с дистанции, оправдывая сей поступок известной формулой: «Я сделала всё, что могла, пусть другие сделают больше!»

Как ни прекрасен был Клуб Весёлых и Находчивых, работа в нём истощала душу. Помните у Грибоедова: «Шутить и век шутить! Как вас на это хватит?» Хотелось поискать себя в другом, в том, что ближе уму, душе, устремлениям сердца. И характеру тоже. Это новое нашлось совсем не сразу, не в один день. Но, к счастью, нашлось и на целых 15 лет стало смыслом жизни.

4. «А душа, что ни говори, есть!»

Передачи с названием «От всей души» давно нет на телевидении. А ведь ровно 15 лет она собирала у экранов без преувеличения миллионы зрителей. «В городах и далёких станицах» люди бросали все дела, чтобы, на 2 часа, забыть о собственных бедах и печалях и сопереживать чужим бедам и радоваться чужим радостям. Чего-чего, а равнодушных не было ни на экране, ни за экраном. Вместе смеялись, вместе плакали. Да, плакали! А что, в нашей жизни мало поводов для слёз? Больше, чем хотелось бы... Какой-то досужий остряк из тех, кто ради красного словца не пожалеет и отца, окрестил передачу «Плачьте с нами». Другие, такие же остряки и пошляки, подхватили эту дешёвую хохму, и пошла писать губерния... Меня не раз спрашивали:

- Знаете ли вы, как называют вашу передачу?

- Конечно, знаю.

- И что вы можете сказать по этому поводу?

- Нормально, когда человек плачет от горя, прекрасно, если он плачет от радости. Про людей, не умеющих плакать, в народе говорят «каменные». Таких сторонятся, таких побаиваются. Наша передача затрагивает души и сердца. Поэтому и дальше «плачьте с нами».

С тех пор прошло ровно тридцать лет. Давно распрощалась я с телевидением. Теперь смотрю программы как рядовой зритель. Впрочем, лукавлю. Во мне всё ещё живёт редактор. От этого никуда не деться. И любую, ловко спрятанную под «маской откровения» ложь или попросту туфту чую с первой минуты. Ох, и страшновато порой смотреть на экран. Нет, я не о войнах, не о разборках, не о терактах. Увы, это реалии наших дней. Я о том, что творим своими руками. Со всех концов огромной страны поездами, пароходами и самолётами свозят на так называемые «супершоу» полчища очумелых граждан, готовых всему честному народу поведать самые интимные подробности своей личной жизни, свои маниакальные идеи, больные фантазии. Чувство стыда им неведомо, как неведомо оно и развесёлым и разудалым ведущим этих сомнительных по вкусу и нормам этики шутовских представлений. Но им и этого кажется мало. Они ещё и провоцируют не готовых к душевному стриптизу зрителей: «Если у вас есть подобные истории или покруче, - пишите, звоните, подавайте заявки, и вы станете героями наших передач». Этих людей, лишённых каких бы то ни было нравственных идеалов, именуют «героями». Про количество игр на экране не говорю. В этом мы, как всегда, впереди планеты всей. Купюры разных достоинств так и мелькают перед глазами зрителей. Когда большие деньги достаются знающим и умным, это одно, но когда неуч методом тыка выигрывает десятки тысяч, невольно думаешь о своих согражданах, месяцами не получающих зарплату и считающих каждую копейку. Стоп, хватит! Боюсь забраться в такие дебри, из которых сама не выберусь. И я возвращаюсь памятью в счастливый день моей жизни - 3 июня 1972 года. Это было обычное воскресенье. Несмотря на начало лета, тепло всё не наступало. И всё-таки большинство москвичей устремилось за город. Поэтому так мало людей было на улицах, в метро и троллейбусах. Даже вечером не стало многолюдней. И вот в 22 часа московского времени мы вышли из Дворца культуры завода «Серп и молот», арендованного телевидением, и, крепко

взявшись за руки, шли, шли и шли до Садового кольца, перекрыв проезжую часть. Так ходят школьники после выпускного бала, когда на душе легко, радостно и всё ещё впереди. Мы смеялись, отчаянно жестикулировали, а то вдруг бросались обнимать друг друга так горячо, будто завтра должны навсегда расстаться. Но расставаться никто не собирался, просто нас переполняли эмоции. Они требовали выхода, ими хотелось поделиться. А что всё-таки произошло? А произошло то, что мы записали первую передачу «От всей души». Ещё далеко было до дня эфира, ещё никто не знал, будет, нет ли у программы продолжение, но нас уже не покидало ощущение праздника. И к этому празднику, чего уж скромничать, мы все имели прямое отношение.

У каждой передачи - своя история, наша - не исключение. Всё началось с того, что однажды ко мне в Молодёжную редакцию заглянул известный радиожурналист, работавший многие годы на иностранном вещании Гостелерадио, Иозеф Климентиновский. Я не была с ним раньше знакома, но кто-то порекомендовал ему обратиться именно ко мне. Иозеф хотел попробовать себя на телепоприще и пришёл с готовым предложением. Он многократно бывал в ГДР, где вместе с немецкими коллегами успешно вёл радиорепортажи. Языком он владел в совершенстве. Это и понятно: он родился в Германии, там прошли его детство и юность. В 1933-м, когда к власти пришли фашисты, семья вынуждена была бежать из страны. Таким образом, он оказался в Советском Союзе. Вся его дальнейшая жизнь была связана с Москвой. Итак, будучи в ГДР, он смотрел с интересом их телевидение. Одна из передач ему особенно понравилась, и он подумал, что нечто похожее можно было бы сделать и у нас. Естественно, себя он видел в качестве ведущего. Иозеф попытался, елико возможно точно, передать смысл той программы. Сводился он к тому, что совершенно неожиданно для человека ему устраивали праздник. Как это происходило? Выбирали героя, к примеру, таксиста, заранее узнавали день его рождения, и в этот день проводили чествование, но не дома, а прямо на рабочем месте, где-нибудь в центре Берлина. Диспетчер давал ему адрес, откуда якобы пришёл вызов, и к этому времени туда съезжались несколько машин из его таксопарка. Тут всё и происходило...

Я слушала внимательно рассказ Климентиновского. Наверное, забавная эта немецкая передача. А главное, - весёлая и непритязательная. Может, стоит подумать о чём-то подобном. Телевидение, как известно, искусство коллективное. Чем больше творческих людей участвуют в рождении новой программы, тем лучше. В работу тут же включилась моя коллега и подруга Лариса Муравина. Пригласила я и Аркадия Инина, ныне известного кинодраматурга, автора остроумных кинокапустников, а в прошлом харьковского кавээнщика. К нам присоединился режиссёр Игорь Романовский. Все вместе мы «пробовали на зуб» предложение Климентиновского. В результате многодневных споров от «немецкой идеи» остались лишь рожки да ножки. Мы решили: если и устраивать праздник, пусть это будет праздник целого коллектива, вернее, людей одного коллектива, и свидетелями праздника пусть станут не случайные прохожие, как это было у немцев, а товарищи по работе нашего героя. Они и смогут разделить его радость. Но главное - сам герой должен быть интересен зрителям необычной судьбой. Словом, где наше не пропадало! Решено. Будем пробовать! Сейчас важно - не ошибиться в выборе коллектива. Эту нелёгкую задачу взяли мы с Ларисой на себя. После долгих раздумий остановились на Комбинате твёрдых сплавов. Во-первых, коллектив не очень большой, легче ориентироваться, да и не так часто о нём рассказывали наши коллеги. Это бесспорный плюс! На другой день мы уже миновали проходную комбината. Первое, куда мы направились, - партком! Без его ведома не то, что приступить к работе - передвигаться по территории нельзя. Секретарь парткома встретил нас весьма приветливо. Мы начали с того, что Молодёжная редакция телевидения предлагает организовать передачу о людях комбината. «О каких людях?» - резонно спросил он. «Естественно, о хороших», - по-детски наивно ответили мы. «Но у нас таких много», - не без гордости заметил секретарь. И тут впервые мы сформулировали свою идею: ищем обыкновенных людей с необыкновенной судьбой. Такая постановка вопроса застала партайгеноссе, недавно пришедшего на комбинат, врасплох. На помощь немедленно был призван председатель завкома. Иван Филиппович Самородов, так звали профсоюзного деятеля, знал всё и про всех: кто первый в очереди на получение жилья, кто представлен к награде, кому нужна санаторная путёвка, кому денежная ссуда. Всё это было небезынтересно, но почти никак не работало на нашу идею. Мы хотели узнать о человеке то, что неизвестно никому. Но вот загвоздка: если неизвестно никому, то как станет известно нам? Честно говоря, мы и сами не знали, но упорно каждое утро, как на работу, являлись на комбинат, садились за свободный стол в завкоме и молча смотрели на тех, кто заходил.

В один счастливый для нас день забежала женщина в чёрном халате. Сразу видно - от станка. Мы обратили внимание - совсем не старая, но совершенно седая. В глазах затаённая грусть. Кто-то из

завкомовских спросил: «Что пишет Алёша?» Она ответила: «Мама, не справляй юбилей, обязательно дождись меня»...

Женщина ушла, а мы, естественно, любопытствовали: кто она, что за юбилей, где находится Алёша? Так мы узнали историю семьи Михайловых. Валентина Николаевна пришла на комбинат совсем юной. Здесь повстречала будущего мужа. Жили счастливо. Но муж рано умер. Валентина Николаевна осталась с четырьмя детьми: три дочери и младший, Алёша. Подрастали девочки, одна за другой приходили на комбинат. Последним пришёл сын. Его-то и ждала Валентина Николаевна из армии. Через месяц ей должно было исполниться пятьдесят. Конечно, это большой семейный праздник, а какой праздник для матери, если нет рядом единственного сына? Может быть, всё это и станет одним из сюжетов нашей передачи? - подумали мы, покинули завком и «пошли в люди».

В одном из цехов был обеденный перерыв, и рабочие вышли на перекур. Видимо, обсуждали они какой-то забавный случай, потому что очень громко и заразительно смеялись.

- У вас все такие весёлые? - спросили мы, проходя мимо.

- Все, как один, - ответили они, не переставая смеяться.

- А кто самый-самый весёлый?

- Конечно, Половинкин, - ответили хором молодые ребята. - Он нас вечно смешит, а ведь ему почти семьдесят.

- А чем ещё знаменит ваш Половинкин?

- Очень любит он кино, каждый фильм смотрит по пять раз, знает кто, когда и где снимался. Сознался, больно нравится ему одна артистка. Задумали мы его с ней познакомиться, но не знаем, как это сделать.

- Надо хорошему человеку помочь, - пошутили мы, а сами подумали, что неведомый нам Половинкин с его «хобби» - тоже может стать неплохим сюжетом.

Ещё одно открытие ждало нас в отделе кадров. Кажется, что можно почерпнуть из сухого перечня анкетных данных? Принят на работу, повышен в должности, объявлена благодарность, вынесен выговор... В отделе кадров нам показали письмо, которое пришло на имя директора буквально на днях. Железнодорожная милиция сообщала, что рабочий комбината Александр Самохин с риском для жизни помог задержать в электричке матёрого преступника. Кадровики уже подготовили приказ с благодарностью. Мы попросили с приказом повременить. То, что Самохин никому не рассказал о случившемся, доказывало: человек он скромный и наверняка достойный, а то, что смелый, - и говорить не приходится. Посмотрели мы на его фотографию, которая хранилась в личном деле. Ну что разглядишь на фото размером 3х4? Конечно, чего проще - пойти в цех и познакомиться. Но мы умышленно не стали это делать, решив действовать, как в детективе: искать человека только по словесному портрету.

А в железнодорожную милицию, конечно, отправились и узнали подробности Сашиного неординарного поступка.

Так крупица за крупицей собирался материал будущей передачи. Наконец сценарий готов. Напечатаны пригласительные билеты. И мы снова приходим в завком. Иван Филиппович, ставший за эти два месяца нашим помощником и консультантом, взглянув на приглашение, сказал: «Боюсь, в воскресенье никто не придёт. Да и билет какой-то не такой... Надо было написать позавлекательнее: так, мол, и так, вас ждут приятные неожиданности и встречи с популярными артистами. А что такое ваше «От всей души»? Нам по-настоящему стало страшно. Но изменить мы уже ничего не могли. И мы решились. Единственно, что продолжало нас волновать, придут ли те десять человек, которые должны стать героями передачи. Что для этого сделать? Открыть тайну - значит, загубить на корню собственную идею. И опять все надежды мы возлагали на славного Ивана Филипповича. Этим десяти он должен был лично вручить приглашения. Девять пообещали, что будут обязательно. Опасения внушал только Саша Самохин. Получая билет, сказал: «Постараюсь...» Это «постараюсь» смутило Самородова, и он решил за ним обязательно заехать. Нет, не подвела его интуиция! Сашу он застал дома. Тот лежал на диване, повернувшись к стене, похоже, спал. Оказалось: этой ночью увезли в больницу его жену Валю с острым приступом аппендицита. Правда, операция была уже позади, но за всеми тревогами он просто забыл о пригласительном билете. Да если бы и вспомнил, вряд ли пошёл... Какие уж тут развлечения! Только за десять минут до начала записи появились Самородов с Сашей. Мы, естественно, ничего не знали о случившемся, но рады были наконец-то увидеть воочию нашего героя. Тут уж мы его рассмотрели...

А зал тем временем заполнялся. Наши страхи были напрасными. Все пришли. Сколько знакомых! Оказалось, за эти месяцы пусть и немногих мы знали по фамилиям, но в лицо запомнили почти всех. С

одними беседовали в цехе, с другими обедали в заводской столовой, у кого-то побывали в гостях... И так, можно давать звонки к началу...

Здесь самое время объяснить, как и почему ведущей передачи стала Валентина Михайловна Леонтьева. С самого первого дня эта роль предназначалась Иозефу Климентиновскому. Более того, сценарий строился с учётом его индивидуальности. Он был раскован, весел, остроумен и находчив. Теперь бы о нём сказали - типичный шоумен. Но хорошо известно, что значит «погнаться за двумя зайцами». Так и случилось с Иозефом. Одновременно с нашей он взялся вести ещё одну программу, и тоже в Молодёжной редакции. Увы! Дебют оказался неудачным. К его «западной манере» не были готовы зрители, резкое неприятие вызвал он у руководства. Словом, пришлось срочно искать ему замену. Кандидатур было четыре, но режиссёр настаивал на В. Леонтьевой. Его аргументы были убедительны: до записи оставалась неделя, материал огромный, справиться с таким объёмом может только высокий профессионал. Кроме того, у Леонтьевой поразительная память. Не считаться с мнением режиссёра было бы неправильным. И я позвонила Валентине Михайловне. Ничего не утаивая, объяснила ситуацию и напрямик спросил готова ли она рискнуть. В ответ она попросила меня приехать. Через час я была у неё. Сценарий лежал у меня в сумке, но я его даже не показала, а как могла, подробно и, видимо, очень эмоционально рассказала о том, что в конечном результате должно быть на экран. Даже «проиграла» за героев все варианты, которые могут возникнуть по ходу передачи. И Леонтьева согласилась. Надо сказать, что переживала она не лучшие времена. Больше года не была в эфире. Ее муж, дипломат, получил назначение на работу в наше посольство Америке, и жена должна была отправиться вместе с ним. За вред отсутствия её место заняли новые молодые дикторы, да и зрители помаленьку начали отвыкать от Валечки. Наша передача, в случае успеха, давала ей шанс вернуться к профессии. Это она хорошо понимала.

Итак, 3 июня 1972 года на сцену Дворца культуры вышла Валентина Леонтьева и произнесла первую фразу: «Здравствуйте, уважаемые товарищи! Мы начинаем передачу «От всей души» и от всей души приветствуем собравшуюся в этом зале большую семью рабочих Московского комбината твёрдых сплавов им. Соловьёва, вас, наши новые друзья!»

С какой минуты начались неожиданности для тех, кто сидел зале? С самой первой, когда ведущая привела необычную и неожиданную для всех статистику. Оказалось, самые распространенные женские имена на комбинате - Нина и Валентина, а самое редкое Юлия, настолько редкое, что обладательниц этого прекрасного имени мы попросили выйти на сцену. Естественно, мы знали, что их будет четверо. И вот, из разных концов зала, смущаясь, поправляя причёски, сомневаясь, брать ли с собой сумочки или оставить их в кресле, поднимаются все четыре. Получая цветы, засмущались еще больше и на глазах похорошели. Тем временем ведущая продолжает разговор об именах. Почему такое красивое имя столь редкое? И вот уже выходит из-за кулис актриса по имени Юлия Буланова и читает стихи, тоже Юлии, поэтессы Юлии Друниной:

*Только что пришла с передовой
Мокрая, голодная и злая,
А в окопе нету никого
И, конечно, печка затухает.
Так устала, руки не поднять,
Не до дров, укроюсь под шинелью...
Прилегла, но слышу, как опять
По окопам нашим бьют шрапнелью...*

Пока звучат стихи, телекамера укрупняет лица женщин на сцене. Ведущая знает, только одна из четырёх - наша героиня, но кто из них, это и предстоит ей определить, сдать своеобразный психологический тест. Ошибиться нельзя, и она не на шутку волнуется. Это придаёт ситуации особую напряжённость.

- Вы Юлия Афанасьевна Короткова! Так слушать стихи может только человек, который всё это пережил сам.

Мы точно рассчитали, что сюжет об этой женщине никого не оставит равнодушным, и потому поставили его первым. И даже если только он один нам удался, мы всё равно бы посчитали, что сказали что-то новое. А впереди была ещё встреча с Сашей Самохиным, весёлое знакомство Половинкина с киноактрисой Валентиной Владимировой, неожиданный приезд Алёши Михайлова, которому

командование части, естественно, по нашей просьбе предоставило отпуск, и празднование юбилея его мамы, Валентины Николаевны, началось прямо на сцене...

Но вернёмся к сюжету о Юлии Коротковой.

Ведущая начинает рассказ о судьбе девушки из города Бийска. Сколько таких судеб мы знаем... 21 июня сорок первого, а вернее, в ночь с 21-го на 22-е в больших и малых городах проходили выпускные балы. Закончена школа. Какие дороги открываются, сколько надежд, сколько планов! А утром 22-го июня - война. Вчерашние школьники становятся солдатами. Так было и с Юлией. Весь её класс уже на другой день явился в военкомат. Мальчишек взяли сразу, девушки ещё долго доказывали своё право воевать наравне с мужчинами. В Бийске в эти дни формировалась 232-я стрелковая дивизия. С ней и начала свой воинский путь Юлия. Боевое крещение она получает под Воронежем. Перевязывает раненых на поле боя, выносит их из-под огня. Но смерть обходит её стороной. Однако в 43-м в Бийск приходит письмо... Ведущая держит в руках пожелтевший от времени, втрое сложенный тетрадный листок, треугольник - незабываемую примету военного времени. Она читает строчки, в которых друзья сообщают матери, что её дочь, медсестра Юлия Бевзюк, погибла в боях под Киевом. А на лице у Юлии Афанасьевны - самое неподдельное удивление. Оно сменяется волнением, которое уже нельзя скрыть. Как могло попасть это письмо к ведущей? Она даже сама не знала, что похоронка сохранилась в доме родителей! Как странно, как страшно услышать о себе: «Погибла...»!

Ведущая задаёт ей сам собой напрашивающийся вопрос: «Как могло случиться, что Вас считали погибшей?». И мы узнаём от Юлии её историю. В бою под Киевом, вытаскивая из огня бойца, она потеряла свою санитарную сумку. Дивизия стремительно продвигалась вперёд, шло наступление. Сумку нашли, а в ней, как и положено, - адрес родных. Так и посчитали медсестру погибшей, а сообщить об этом домой - святой долг...

Юлия Афанасьевна волнуется, подыскивает слова, стесняется своих слёз и не может их сдержать. Прошлое нахлынуло так неожиданно, воспоминания захлёстывают её. Она забыла, что находится на сцене, ей не мешает яркий свет юпитеров, она не видит красного глазка телекамеры.

Так всегда бывает: искренность, волнение человека на сцене передаётся зрителям. А наши камеры укрупняют лица сидящих в зале и время от времени показывают одного и того же человека. Он особенно взволнован. Когда ведущая приглашает на сцену мужа Юлии Афанасьевны, Виктора Александровича Короткова, оказывается, это он и есть. Тут и выясняется: их судьбы соединила война. Они попали в одну дивизию, вместе были в первом бою: она - медсестра, он - санинструктор. Обоим было в ту пору по восемнадцать лет. Вместе прошли войну «от звонка до звонка». Там пришла к ним любовь, и пронесли они её через всю жизнь. Вот и сейчас сидят рядом, немолодые, слегка растерянные, но счастливые...

Ведущая тем временем читает ещё одно письмо. Оно из Бийска, из музея боевой славы их родной, 232-й гвардейской Киевской, Корсунь-Шевченковской стрелковой дивизии. В нём сообщается, что через 10 дней состоится встреча ветеранов, и супруги Коротковы приглашаются на эту встречу.

- Что бы Вы ответили на это приглашение? - спрашивает их В. М. Леонтьева.

- Большое спасибо, - отвечает Короткова.

- Мне кажется, одного «спасибо» недостаточно. Коротковы переглядываются, улыбаются, пожимают плечами.

Ведущая продолжает:

- Я бы на Вашем месте срочно отправила такую телеграмму: «Благодарим. Вылетаем 12 июня, рейс № 167. До встречи».

- Хорошо бы, - улыбается Виктор Александрович, - да возможно ли?

- Разве есть какие-нибудь сложности?

- А работа? А отпуск? А билеты?

- Мы об этом уже договорились и на комбинате, и на вашем заводе, уважаемый Виктор Александрович! С билетами тоже нет проблем. Они куплены! - И ведущая протягивает Коротковым конверт. С ещё большим недоумением смотрят они друг на друга, на конверт, опять друг на друга... Зал смеётся и аплодирует. Как всегда, после эмоционального напряжения, наступает разрядка...

15 минут продолжался сюжет, за эти 15 минут, словно в фильме, снятом рапидом, пронеслась вся жизнь Юлии Афанасьевны, а для её товарищей, с которыми она рука об руку проработала четверть века, многое стало настоящим открытием. Таким образом, мы подтвердили простую истину: ничего нет интересней человека. Каждая судьба неповторима по-своему.

Теперь, наверное, понятно, почему 3 июня далёкого 1972 года в 22 часа мы почувствовали себя

абсолютно счастливыми. В этот день родилась передача «От всей души».

Кстати, о названии. Споров было много, варианты предлагались разные. Дискутировали вплоть до того часа, когда текст пригласительного билета надо было срочно отвезти в типографию. Оставались буквально минуты, а единственно точное название не приходило в голову. И тогда режиссёр Игорь Романовский, как и в случае с выбором ведущей, решил вопрос «волевым порядком». Он сказал:

- Назовём «От всей души». Мы хором запротестовали.

- Непонятно и странно! Он возразил:

- А что же тут странного? От всей души мы хотим рассказать о людях. От всей души воздать им должное. И работали мы от всей души, не так ли?

Сражённые его логикой, мы умолкли. Так и пошло в билет это название.

Когда передача была уже рассмотрена руководством и поставлена в эфир, всё началось сначала. Почему «От всей души», а не «От всего сердца»? Придумайте что-то иное, более удачное. Мы соглашались, но что-то изменить уже было не в наших силах, потому как в течение всей передачи ведущая не раз произносила именно эту фразу. Через пару дней после выхода программы в газете «Известия» появилась рецензия, написанная известным критиком Яковом Варшавским. Посмотрел он её случайно, и она ему очень понравилась. Закончил он статью примерно так: «Какое хорошее придумано название. О том, что происходит на экране, точнее не скажешь».

Ровно 15 лет передача «От всей души» была в эфире, и название это уже никого не смущало. Но был у нас один зритель, фамилию которого, разбуди меня ночью, я и сейчас произнесу - товарищ Мудряков! Он забрасывал нас письмами. Его «праведному гневу» не было предела. Он обвинял нас в том, что само понятие «душа» противоречит всей нашей идеологии, что настоящим марксистам-ленинцам известно - души нет, значит, мы сознательно потворствуем распространению мракобесия. Вот так и не иначе! А времена стояли суровые. Ухо надо было держать остро. Письма зрителей, особенно те, где критиковалась работа телевидения, требовали немедленного ответа. При этом спорить с авторами не полагалось. Наоборот, надо было каждого заверять, что его замечания чрезвычайно важны и будут немедленно претворены в жизнь. Я же попыталась вступить в спор с товарищем Мудряковым, стараясь убедить его, что в слове «душа» ничего предосудительного нет. В пример приводила известные русские поговорки, так сказать, народную мудрость: «Душа душе весть подаёт», «Живут душа в душу», «Муж голова, жена - душа», напоминала, что в старину письма начинались словами «Душа любезный...» «Не надо кивать на прошлое. Народ был тёмный, одурманенный религиозными предрассудками», - отвечал мне Мудряков. Тогда я цитировала известных советских писателей: Чингиза Айтматова, Нодара Думбадзе, Бориса Васильева, которые постоянно упоминали о душе. На какое-то время адресат замолкал, видимо, подыскивал новые аргументы. Я тоже готовилась к отпору. Конечно, был у меня в запасе один ответ, вернее, не мой, а кавээнщиков. В одной из передач на вопрос «Что такое душа?» в своё время ответили весёлые и находчивые: «Душа - это то, что уходит в пятки». Но шутить с человеком по фамилии Мудряков было весьма опасно. Копии своих писем он первым делом отправлял в ЦК КПСС. Но настал день, и мой оппонент замолчал. Отчего, почему - мне неизвестно. Может быть, просто устал спорить, а может, душа его попросту отлетела. Такое случается и с воинствующими атеистами...

А жизнь шла своим чередом. Командировки, командировки, командировки. Север, юг, восток и запад. Самолёты, поезда, газики, трактора, а иногда телеги и бесконечные встречи с людьми, которых называли «простыми». Но у этих «простых» какие же сложные были судьбы, какие яркие характеры, какие поразительные поступки. И чем дальше от Москвы мы забирались, тем чаще встречались с человеческим благородством, душевной щедростью, добротой, самопожертвованием. Чего-чего, а уж эти люди знали и цену куску хлеба, и какой кровью оплачиваются боевые награды, и вообще почём фунт лиха. Сколько лет прошло, а я помню всех своих героев. Может быть, потому, что таких людей не увидеть сейчас на телеэкране, мне хочется рассказать о них. Честное слово, они стоят того, чтобы о них знали... И если земля наша что-то ещё рождает, если едим мы хлеб, да ещё и с маслом, если до сих пор не разуверились в добре и милосердии, значит, надо им поклониться за всё, что они сделали.

Итак, я приглашаю вас последовать за мной по разным адресам. Первая остановка в Белоруссии. Минская область. Вилейский район. Совхоз «Любань» - большое хозяйство: центральная усадьба, семь отделений, 20 деревень. Коль решили проводить здесь передачу, стало быть, везде надо побывать. И не на машине объехать, а обойти всё своими ногами. Вечерами в совхозной гостинице под звуки радиолы, а танцплощадка располагалась как раз перед нашими окнами, мы обменивались впечатлениями за день. Материал шёл туго. Но одной из нас везло больше. Она добралась до самого отдалённого села Снежково.

И там - что ни встреча, то открытие. Но, пожалуй, больше других её взволновал рассказ бригадира Галины Павловны о Соне Воронович. Начала она издали. Вспомнила: если у кого-то в селе случается беда, женщины непременно скажут: «Пойдём до Сони». Кто же она такая, эта Соня?

В первые дни после освобождения Белоруссии молоденькая Соня Воронович стала банщицей. Два раза в неделю работала баня. Два раза в неделю надо было Соне выбрать из колодца по 500 вёдер воды, перелить в бочку, а из бочки всё те же 500 вёдер перелить в котёл. Потом баню протопить. А дрова? Их тоже заготавливала Соня. Она и пилила, и рубила, и колола.

Шли в баню и стар, и мал, шли, разумеется, те, кто ещё мог идти. А сколько было таких, кто и дойти-то был не в силах... Измученные, изголодавшиеся, потерявшие близких, оставшиеся без крова, они месяцами не выходили из своих землянок. Казалось, ничто не может вернуть их к жизни... И тогда Соня Воронович запрягала худую лошадейку и ехала «до людей». Что говорила она им - кто теперь вспомнит? Только садились они на телегу, а Соня - вожжи в руки - и лесными дорогами везла в баню. Словно детей малых она их мыла и даже успевала постирать их нехитрую одежку. А потом на той же терпеливой кляче развозила по землянкам.

На следующий день мы уже все вместе отправились в Снежково, чтобы познакомиться с Соней.

Была середина сентября, и в совхозе «Любань» заканчивалась уборка картофеля. Галина Павловна ехала в бригаду и взяла нас с собой, при этом сказала: «Больно время сейчас не подходящее для знакомства, каждая минута дорога. Да уж так и быть, попрошу Соню постоять с вами в сторонке и поговорить». И вдруг мы, не сговариваясь, попросили бригадира не показывать нам Соню. Интересно, после всего, что мы слышали, сможем ли мы её узнать.

А теперь представьте: хмурый осенний день. Под моросящим дождём работают женщины. Только что прошёл комбайн, но в земле ещё осталось много картофеля. Его надо выбрать вручную. Все женщины в сапогах, ватниках, платках, по-деревенски спущенных до бровей, и кажутся на одно лицо. Но мы всё-таки узнали Соню! Знаете, как? По глазам. Те, кто видели её на экране, тоже запомнили эти глаза, такие ясные, чистые, излучающие добро и свет. Вот уж и вправду: глаза - зеркало души.

О том, как был построен сам сюжет, что именно придумали мы для того, чтобы полнее раскрыть Сонин характер и Сонину судьбу, я ещё расскажу. А сегодня мне просто захотелось вспомнить замечательную Софью Ильиничну Воронович из села Снежково в Белоруссии.

Ещё один адрес. Ещё одна судьба, и снова женщина по имени Софья. Что это, совпадение? Конечно. Совпадений в нашей жизни так много...

Всё началось с письма. Оно пришло в Калининград из Бийска. Если помните, в нашей первой передаче тоже фигурировал этот алтайский город, родина Юлии Коротковой. Ещё одно совпадение, не более. Письмо, о котором идёт речь, отправил учитель рисования школы-интерната Валерий Усольцев. Оно не было адресовано определённому лицу. А писал он вот что: «К вам в мореходное училище едет поступать мой ученик, Виктор Жуланов. На долю парня выпало много невзгод. Но есть у него мечта - стать моряком. И если не пройдёт он по конкурсу, устройте его на работу. Пусть пойдёт в плавание, узнает, что такое море».

Письмо попало в руки Софьи Фёдоровны Саратовой. Работала Софья Фёдоровна Саратов секретарём-машинисткой в Калининградском среднем мореходном училище Министерства морского флота, а попросту говоря, в средней мореходке. Как часто мы слышим такие слова: «Болит душа». Но душа болит не сама по себе, а о ком-то или за кого-то. Так и случилось с Софьей Фёдоровной. В училище уже близились вступительные экзамены. Ребята приезжали отовсюду, многие с родителями. Приехал из Бийска и Витя Жуланов. Софья Фёдоровна ни разу не подошла к парню, ничем не выдала, что знает о нём. Но в те часы, когда Витя сдавал экзамены, стояла за дверью, как и все матери, и волновалась. В день, когда определялся проходной балл, всё-таки решилась и пришла в приёмную комиссию.

- Я не прошу никаких поблажек Вите Жуланову. Но знайте: этот мальчик - один на всём свете, в жизни всё ему давалось трудно, помощи ждать ему неоткуда...

Кто-то из комиссии спросил:

- Он вам родня?

- Чужой, - ответила она.

- А если парню трудно будет даваться учёба, кто поможет? Не задумываясь, ответила:

-Я!

Вечером у Саратовых шёл семейный совет. Софья Фёдоровна, её муж Валентин Александрович и сын Саша решили: Витя должен стать членом их семьи.

Так и случилось. Витя, как и все курсанты, жил в училище, а субботы, воскресенья, праздники и каникулы проводил у Саратовых. Из каждого плавания муж Софьи Фёдоровны - он был моряком - привозил одинаковые подарки двум мальчикам. Когда Витя окончил первый курс, Саратовы купили ему билет в Бийск, чтобы он мог повидаться со своими ребятами и учителем. Пусть покажется им в морской форме!

Спустя время, Софья Фёдоровна серьёзно заболела, оба мальчика приходили в больницу каждый день. Витя не давал покоя врачам и сестрам: «Скоро ли поправится мама?»

Мечта Виктора осуществилась. Он стал моряком. Обзавёлся семьёй, растит дочь и не забыл, чем обязан в жизни Софье Фёдоровне и Валентину Александровичу Саратовым. Любит и почитает их, как настоящих родителей.

Я могла бы рассказывать и рассказывать об удивительных людях, встретившихся на моём журналистском веку. Но сейчас хочу ответить на трудный вопрос: где лежат ключи от человеческих душ?

Ключи? Нет, один единственный ключ, и отыскать его можно только внутри себя. Ключ этот - неутолимая жажда понять другого человека с его болью и обидами, радостями и печалью, с его непростой судьбой, со сложностями, противоречиями характера, непоследовательностью, а порой и необъяснимостью его поступка. Ключ - это прежде всего непредубеждённость к человеку.

Есть на Урале, в Челябинской области город под названием Копейск. Шахтёрский город. Особенность у него такая: центральная часть существует как бы сама по себе, а вокруг каждой шахты раскинулся свой посёлок. В одном из них, который носит имя писателя Бажова, и на улице Бажова проживала Екатерина Ивановна Подорванова. В трудные и горестные дни войны она, первая в нашей стране, бросила клич: «Девушки, в забой!». И клич этот был тут же подхвачен. На шахтах Урала и Кузбасса стали создаваться женские бригады навалотбойщиц. Только в одном Копейске их было двадцать.

Ровно через три десятилетия после того призыва мы приехали в Копейск. Среди десятков знатных шахтёров в числе первых нам назвали Подорванову. Как не познакомиться с такой женщиной!

И вот я стою у двери её квартиры. Звоню. Никто не открывает. Прислушиваюсь. Льётся вода, и явно кто-то шлёпает по мокрому. Звоню настойчивей. Наконец дверь распахивается, и передо мной немолодая, крупная женщина. Стоит босая, подол подоткнут, в руках тряпка, с которой стекает вода. Смотрит на меня тяжёлым взглядом исподлобья.

-Здравствуйте! Вы Екатерина Ивановна?

- Ну, я!

- Наверное, я не вовремя? - говорю извиняющимся тоном.

- Разве не видно? Занята я!

Пройти в квартиру не предлагает. Даже не спрашивает, кто я и откуда. Объясняю сама.

- Я из Москвы, журналистка. Может быть, мне зайти к вам завтра?

- А завтра меня не будет, картошку поеду копать.

- Тогда разрешите, я посижу во дворе, подожду...

- Ждать долго, я только начала уборку. Помолчала. Подумала. Махнула рукой:

- Ладно, проходите.

Сажу на стуле посреди комнаты, на невытой половине. Напротив, словно бы на минутку, присаживается хозяйка. Между нами грязное ведро. Почему не уберёт его, хотя бы не отодвинет? Не буду обращать на это внимания. С чего же начать разговор?

Рассказываю, что мы собираем материал о шахтёрах её родного Копейска и потому очень прошу вспомнить свой первый день в шахте и свои трудные рекорды.

На всё получаю одинаковый ответ: «Не помню». Тогда прошу хотя бы назвать имена девушек, которые пошли с ней в забой. И снова резкое «не помню». Не могу понять почему, но контакта между нами нет, и вряд ли уже установится. Самое правильное было бы уйти. Ну, а дальше что? Прийти ещё раз, начать всё сначала? Не знаю от чего: то ли от огорчения, то ли от досады на себя, ощущения своего полного бессилия, у меня срывается:

- А я вам не верю! Такое забыть нельзя. Всё-то вы отлично помните...

Сказала и сама испугалась.

Подорванова смотрит на меня недружелюбно.

- Да! Помню! Знаю! Но говорить ни о чём не буду. Не хочу, и всё!

Называется, нашла подход! Секунду назад только ведро разделяло нас, а сейчас стена непонимания и недоверия.

Теперь, действительно, ничего не оставалось, как встать и уйти. Я молча пошла к двери. Там приостановилась и, меньше всего рассчитывая на ответ, спросила:

- Кто же мог вас так обидеть?

И словно прорвалась плотина. Она приказала мне: «Садись! Слушай!» и стала рассказывать...

Сейчас, столько времени спустя, я думаю: что же больше всего потрясло меня в этом рассказе? История того, как она пошла в забой? Трудности, которые выпали на её долю? Нет, пожалуй, сон, который тридцать лет подряд возвращает её в шахту. А снится ей, что она под землёй. На её глазах вырастает угольная гора, она ползёт по этой горе вверх, к свету. И когда остаётся чуть-чуть, - уголь начинает осыпаться. Она чувствует это всем телом и медленно сползает вниз. Снова хочет выбраться, выбивается из сил и снова сползает. Так - без конца... Возможно, именно этот сон объяснил мне многое. Наверное, подсознательно Екатерина Ивановна всё ещё пытается избавиться от страха, что сопровождал её все годы работы в забое. Не вспоминать, забыть... А с чего всё начиналось, как всё происходило?

1943-й. Позади два года войны. Рабочих рук не хватает. И вот, во дворе шахты 4-6 собралась первая в Копейске женская добычная бригада. Может быть, бригадире Кате Подорвановой чуть легче, чем остальным. Она крепкая, сильная, рано привыкшая к труду. И шахту знает, работала здесь, только не под землёй. А остальные - все новички. Жёны и дочери шахтёров. Они хоть понаслышке знали, как уголь добывается. А девушки-москвички, эвакуированные на Урал, те и уголь-то видели впервые. Словом, собрались они за час до смены, познакомились, приглядывались друг к другу. Каждая скрывала, что ей боязно. Вошли в клеть... Что-то заскрежетало, тусклый свет замигал, рывок - сердце упало вместе с клетью. Вот тогда-то Катя и запела: «Синенький скромный платочек...», чтобы не было так страшно новым подругам. Они неуверенно подхватили знакомую песню.

Что действительно плохо помнит Екатерина Ивановна, - так это первый рабочий день. Помнит только шум отбойного молотка, тяжесть в руках, боль в спине и бьющий в глаза ослепительный свет осеннего дня, когда поднялись они на поверхность. Их встречали с цветами. И даже играл оркестр. Так решили на шахте отметить это событие.

В забое бригада Кати Подорвановой проработала 18 месяцев и добила таких показателей в соревновании, что ей вручили знамя ЦК ВЛКСМ и Наркомугля.

Кончилась война. Вышло специальное постановление, запрещающее использовать женский труд на шахте. И жизнь её пошла совсем по другому руслу. Сначала помнили Катины заслуги, - приглашали в президиум, поздравляли с праздниками. Потом стали забывать. Зажигались на шахтёрском небосклоне новые имена, целые династии. Нет, новое, конечно, не перечеркнуло, но потеснило старое. Так бывает. Но Кате тяжело и обидно стало забвение. Подросла младшая дочка и однажды в ответ на материны наставления бросила ей упрёк: «А ты чего достигла! Надрывалась на своей шахте, всё здоровье отдала, а теперь ни приветов, ни уважения». Было это сказано сгоряча. Но можно не сомневаться: эта фраза ударила по больному. Не ради славы и почестей трудилась Катя, да и кто тогда об этом думал? Но каждому важно, чтобы не забылись его дела, чтобы осталась о нём добрая память.

Я смотрела на Екатерину Ивановну, и её лицо мне уже не казалось таким мрачным, а глаза - такими колючими.

И вдруг резко - как всё, что она делает - подошла к комоду, взяла в руки керамическую вазочку с узким-узким горлышком, перевернула и несколько раз с силой ударила о дно, как это делают мужчины, когда выбивают пробку из бутылки. И вот на её ладонь выпала туго скрученная бумажка. Екатерина Ивановна бережно её развернула, передала мне и сказала: «Читай!». Это были фамилии и имена всех членов её бригады. Водя пальцем по листку, она стала рассказывать:

- Вот эта уехала сразу после войны к себе в Москву. Худенькая такая была, прозрачная, «маменькина дочка», а вкалывала не хуже нас, привычных. А эта приезжала повидаться. Эти и сейчас в Копейске живут, бабушками стали.

Всего час назад утверждала: «Никого не помню», а помнила каждую. Список составила, чтобы кого-нибудь не пропустить. А спрятала потому, что убедила себя - не нужно вспоминать о прошлом. Потому и с подругами не хотела встречаться. Зачем старое ворошить?

Когда я уходила, мы распрощались, словно были давно знакомы.

В день записи передачи мы всегда встречали своих героев у входа. Нам важно было убедиться, что все пришли. Да и вообще приятно видеть знакомых людей нарядно одетыми, идущими на передачу, как

на праздник. К началу записи во Дворце культуры шахтёров пришли уже все. Не было лишь Подорвановой. Ехать в посёлок - времени нет. Как быть? Заглядываю в пустой зал, а она сидит в первом ряду, как и было указано в билете. И тут осталась верна себе: не могла не заметить меня у входа, но остановиться, первой заговорить - никогда!

Сразу отлегло от сердца: теперь можно начинать!

Передача открывалась рассказом о шахтёрском труде в годы войны, когда Кузбасс и Урал стали главными «кочегарками» страны. Екатерина Ивановна сидела неподвижно, низко опустив голову. Напряжённо слушала ведущую. И только когда прозвучала её фамилия, резко вскинула глаза, жала руки. Ведущая пригласила Екатерину Ивановну на сцену. Она шла по проходу, не поднимая головы, чуть раскачиваясь, то и дело одёргивая свою скромную вязаную кофточку. Поднялась и стояла скованная, даже отчуждённая. Когда через минуту-другую на сцену вышли её подруги - те, что живут в Копейске, и которых она не видела добрый десяток лет, лицо её преобразилось. Исчезла каменная неподвижность. Она широко развела руки, стараясь обнять всех сразу, и... заплакала. Видно, у сердца своя память.

После первого знакомства с Подорвановой мне предложили спуститься в шахту. Секретарь горкома партии Зоя Михайловна Ульянова, которая принимала самое горячее участие в нашей работе над передачей, заявила: «Нельзя рассказывать о шахтёрах, пока сами не увидите, что это за труд». Сознаю: я отказывалась и не скрывала, что боязно. Но Зоя Михайловна оказалась на редкость твёрдой: «Быть в Копейске и не спуститься в забой, - да вы себе этого не простите!».

Решено было, что наша творческая группа побывает в шахте «Центральная», самой глубокой и самой современной. Натянув с трудом всё многослойное шахтёрское обмундирование, надев сорокового размера сапоги, получив каску с лампочкой, от тяжести которой голова опустилась на грудь, я поняла - обратного пути нет. Затем мне, как и всем, выдали жетон с номером. По наивности я спросила: «А жетон зачем?» Мне объяснили: по жетонам определяют, все ли поднялись на поверхность...

- А если не все? Что тогда?

- Тогда их будут искать.

Не стану передавать своих ощущений от спуска в клети. Они были достаточно остры. А вот в самой шахте - ни страха, ни волнения. Светло, тепло, почти как в метро. Проехались в вагонетке до самой лавы. Ходят там, как челноки, и урчат угольные комбайны. А я всё пыталась представить себе ту старую шахту 4-6, Катю Подорванову, её девушек, тоненьких и хрупких, неподъёмный отбойный молоток, военные нормы выработки. И так изо дня в день, по восемь часов в смену все восемнадцать месяцев! Даже представить трудно...

Вскоре после выхода передачи в эфир я получила от Подорвановой письмо. Она благодарила за внимание, приглашала в гости. И в самом конце много, много раз извиняясь, просила меня написать в Копейск и похлопотать, чтобы сшили ей мундир почётного шахтёра. Сама просить не решалась, считала неудобным. Высокое звание присвоили ей давно, а про мундир забыли. Раньше думала: нет - и не надо. А теперь захотелось в праздники, как положено почётному шахтёру, пройти по городу в парадном мундире! Есть в этом своя гордость.

Я встретилась с Екатериной Ивановной ровно через три года. Она приехала в Москву на юбилейную передачу «От всей души». Естественно, пришла в мундире. Это была та и не та Катя Подорванова. Чуть легче походка, чуть мягче взгляд, улыбчивей лицо. Такой она мне и запомнилась. Стоит на сцене большая, сильная женщина. Ни одного седого волоса, крепкие руки. И, вытянув их перед собой, говорит: «Эх, дали бы мне сейчас отбойный молоток, честное слово, показала бы, что не забыла своего дела!»

Я рассказала столь подробно только о трёх судьбах. А были их сотни и сотни. И каждая по-своему неповторима и уникальна. Обо всех, как бы мне ни хотелось, всё равно не расскажешь, но ещё о двух, пусть коротко, вспомню. Итак, Смоленская область, Починковский район, родина А. Т. Твардовского. В какой дом ни придёшь, - везде свой Тёркин, своя фронтовая история. У одного даже фамилия была Солдатенков. Так солдатом он и прошёл войну от звонка до звонка. Другого звали Василий, совсем как Тёркина, а по фамилии был он Радивилин. В деревне Чепляковка нам сказали: «Есть тут у нас один большой чудак, паровоз построил, не детский, всамделишный». Услышав такое, бросились мы со всех ног искать «чудака». Это был старый, согнутый, иссохший человек. В чём только душа держится? А руки крепкие, натруженные, улыбка ясная, наивная, как у ребёнка. Говорил с нами охотно. Ещё в середине 30-х, когда смоленская деревня об электричестве и слыхом не слышала, сделал Радивилин на речке запруду, поставил движок и дал ток в колхозный сарай, где женщины по ночам лён теребили. Потом изобрёл ветродуй, а чертежи послал в Москву. Для школы смастерил модель паровой машины и учил

сельских детишек собирать детекторные приёмники. В юности играл Василий Иванович на балалайке, но однажды услышал и увидел скрипку. Что-то в душе его перевернулось от её чарующих звуков, и задался он целью изготовить себе такой инструмент. И сделал. Конечно, не Страдивари, но звуки извлекать из неё научился. Целыми вечерами водил смычком и не мог нарадоваться. Но главное, десять лет жизни потратил он на паровоз. Почему паровоз? Что привлекло его в паровозе? То ли первое детское потрясение, когда на станции Починок он впервые увидел летящий в ночи состав, то ли неосуществлённая мечта о дальних дорогах, путешествиях... Но паровоз он построил. Чугунный. И пусть размером он уступал настоящему, но мог развить такую же скорость, пускать пар и свистеть. Шутка ли - паровоз! Для этого надо было быть конструктором, литейщиком, механиком, кузнецом и слесарем. Ими и был Василий Иванович Радивилин, человек с трёхклассным образованием, гениальный самоучка, умелец и мечтатель. Ему бы поучиться, да где там? Всю жизнь, не разгибая спины, копался в земле, растил детей, поднимал внуков, дальше Смоленска не выезжал. Кроме линейки и чернильного карандаша не знал других приборов, а посмотришь на его чертежи - изумишься. Наверное, слово «чудак» имеет один корень со словом «чудо». Сюжет об этом удивительном человеке мы назвали «Паровоз и скрипка».

Рязанская земля тоже порадовала нас своими «чудачками». Выбрали мы для передачи один из самых отдалённых от центра районов и самый трудный. Земля плохая - сплошной песок и подзол. Попробуй собрать урожай! Но вспоминается мне чаще других женщина, проработавшая не на земле, а в школе, сельская учительница Ольга Семёновна Акиндинова. Не знаю, как вы, а я впервые увидела в анкете 1927 года в графе о профессии запись: «ликвидатор неграмотности». А самому ликвидатору от роду было 14 лет. Только что окончила она семилетку и сразу начала учить других, ведь деревня в ту пору была поголовно неграмотна. Это и определило её дальнейшую судьбу. Через три года пришла Ольга Акиндинова в сельскую школу. Утром занималась с детьми, вечером за парты садились люди в три раза старше учительницы. Особенно много было допризывников: в армию брали только тех, кто умел писать и читать. А ещё успевала Ольга ходить по домам и давать уроки женщинам, у которых были малые дети. Так и крутилась, так и бегала. А бегать было не в чем. Единственная пара обуви развалилась и починке не поддавалась. Дети ходили в школу в лаптях, вместо галош - деревянные колодки. У их учительницы и того не было. Но однажды прислали в школу на 200 учеников 10 пар сапог для самых неимущих и тех, кто дальше всех живёт. Распределяли обувь на родительском собрании. Учительница прийти не смогла. Осень. Дорогу развезло. Босиком не дойти. И тогда собрание постановило: «Одну пару кирзовых сапог выдать учительнице Акиндиновой, а то заболеет, и наших детей некому будет учить». Нет, не бросила она школу, своих ребят. И в войну их учила. В первую смену занятия, потом брала в колхозе наряд и вместе со всеми шла в поле. У женщин военного поколения не складывалась личная жизнь. Их погоды погибли на поле боя. Только в сорок лет вышла она замуж за бывшего фронтовика, вдовца с тремя дочерьми. О любви и речи не было. Пожалела детей, оставшихся без матери. Но прежде, чем решиться на такой шаг, много думала, успеет ли вырастить девочек, хватит ли сил их поднять. Главным советчиком всегда была для неё собственная мать. Она-то и сказала: «Каждый человек должен оставить после себя храм. Вырастишь трёх дочерей, значит, оставишь на земле три храма». Выросли Галя, Нина и Юля. Мать, которая их родила, они не помнят, а про Ольгу Семёновну сказали: «Лучше нашей мамы нет никого на свете». Все три её дочери стали сельскими учительницами. Это говорит о многом.

Отыскать человека с необычной судьбой, бесспорно, можно, хоть и трудно. Но это далеко не всё. Надо ещё суметь переложить его историю на язык телевидения, что не просто! Телевидение - не радио. Одних слов не достаточно. Вот я и попытаюсь рассказать, как создаётся или придумывается сюжет. К примеру, о Соне Воронович из белорусской деревни Снежково. Нам, журналистам, предстояла, может быть, самая сложная часть работы, а именно - найти такую форму подачи материала, при которой ярко, зримо, запоминающимся станет всё то, что сделала на своём веку эта скромная женщина. Каждую, пришедшую на ум идею, мы пробовали, что называется, на вкус и на цвет. Что-то сразу отвергали, над чем-то продолжали размышлять. Одна, только-только проклюнувшаяся, привела нас с Ларисой - не удивляйтесь - на выставку цветов. Как замороженные ходили мы от ирисов к астрам, гладиолусам, розам, слушали цветоводов-селекционеров, отвечавших на сотни вопросов посетителей. Наше внимание сразу привлекла немолодая, седая женщина с удивительно милым лицом. Она выставила свои георгины. Какое разнообразие расцветок, какие необычные названия! К примеру, - «Майя». Оказалось, что это в честь Майи Плисецкой. Или «Мария Максакова» - в память знаменитой певицы Большого театра. Третий - «Юрий Гагарин». Мы подошли и познакомились. Хозяйкой этих стендов была Бронислава Яковлевна Алишоева из подмосковного Томилино, в прошлом художника по тканям. Мы тоже представились и,

честно скажу, напросились в гости. Уже через пару дней оказались в Томилино. Если бы теперь меня спросили, как я представляю «райские кущи», я бы ответила: «Это сад Алишоевой». Только вообразите: восемьдесят сортов георгин и добрая половина из них - её собственные, выведенные за четверть века гигантской, круглогодичной работы. Показала она нам своё последнее, только что рождённое детище - кудрявые круглые головки, напоминающие огненный шар. Мы поинтересовались, есть ли у него название. «Нет, пока не придумала, - ответила Бронислава Яковлевна и добавила, - если у вас появится идея, с радостью выслушаю...» Идея у нас уже была, но мы не решались так сразу её озвучить. Ещё через пару-тройку дней мы снова наведались в Томилино. Набравшись храбрости, произнесли: «А что, если ваш новый сорт назвать «Доброта»? Ведь он такой щедрый, яркий, радостный!» Брониславе Яковлевне, к нашему удивлению, название понравилось. И тогда мы пошли ва-банк! «Возможно ли, чтобы новый сорт георгин вы посвятили не звёздам сцены, не великим мира сего, а скромной деревенской женщине, которая не меньше, если не больше, заслуживает почёта и уважения?» Бронислава Яковлевна слушала нас и не очень понимала, куда мы клоним. И тогда, волнуясь и перебивая друг друга, мы поведали ей о Соне Воронович, её бескорыстии, её добром сердце, о том, как работала она банщицей в год освобождения Белоруссии, словом, всё то, о чём я вам уже рассказывала выше. Бронислава Яковлевна даже не раздумывала: «С превеликим удовольствием!» - был её ответ. У нас отлегло от сердца. Часть дела была сделана. Оставалось додумать, как окончательно будет выглядеть в эфире наш сюжет. А выглядел он так: в зале совхоза «Любань», где записывалась передача «От всей души», неожиданно гаснет свет, а на экране возникают кадры цветущего сада Б. Алишоевой. Крупные планы георгин. Один прекрасней и причудливей другого. Огромные, размером с подсолнух, и маленькие, чуть крупнее маргариток, мыслимых и немыслимых оттенков цветы заполняют экран. А вот и сама хозяйка сада обходит свои сказочные владения: подвязывает тяжёлые кусты, удаляет засохшие ветки и, наконец, останавливается возле роскошных жёлтых георгин. Не торопясь, срезает несколько цветов и на наших глазах создаёт прекрасный букет. Экран гаснет. В зале свет. А на сцене уже стоит та самая «волшебница», с тем же самым букетом, который только что мы видели на кинокадрах. Зрители, конечно же, её узнали и встретили аплодисментами. Бронислава Яковлевна сама взволнована таким приёмом и, обращаясь к присутствующим, очень просто объясняет, что заставило её, немолодую женщину, давно не покидавшую свой дом, отправиться в далёкое путешествие и оказаться в «Любани». А причина одна: она узнала о судьбе замечательной женщины, которая, как ей кажется, и есть подлинное воплощение доброты. В честь этой женщины она назвала новый сорт георгин «Доброта». Надо было видеть в этот момент лицо Сони! Могла ли она думать, что кто-нибудь, когда-нибудь вспомнит о ней, оценит её скромный труд. И вот уже ведущая просит Софью Ильиничну подняться на сцену. И стоят они рядом, две такие разные, но чем-то похожие женщины. Обе излучают свет и добро. Алишоева вручает Воронович букет своих прекрасных цветов. Она, как и любой селекционер, надеется, что новый сорт георгин будет расти не только в Томилино, но и в «Любани», и в разных городах и даже разных странах, радуя людей своей красотой и щедростью. Любое доброе дело оставляет след в душах и на земле...

Мне вспоминается ещё один удачный сюжет из передачи, которую мы записывали на земле Твардовского, в Починковском районе Смоленщины. Туда «на разведку» отправилась журналистка Анна Земнова. Ещё в Москве мы постарались с ней вместе определить, в каком направлении должна она начать поиск героев. Прежде всего, солдат, прошедших, как и Василий Тёркин, войну и сохранивших при всём при том любовь к жизни, юмор и весёлый нрав. Но этим не стоило ограничиваться, ведь жизнь деревенская разнообразна. Ещё ни разу не рассказывали мы о киномеханике, а люди этой профессии уважаемы и желанны на селе. Вопрос в том, найдётся ли человек с интересной судьбой. К счастью, нашёлся. Им был Александр Петрович Капаев, кстати, фронтовик. На войне получил тяжёлое ранение обеих ног. Долго лежал в госпитале. Врачи не обещали полного выздоровления. Там же, в госпитале выздоравливающих исподволь начинали готовить к мирной жизни, учить профессиям, которые им, инвалидам, будут по силам. Капаев решил стать киномехаником. В начале 45-го вернулся в родное село и вскоре приступил к работе. Уезжал он из дома обычно недели на две. Пока не объедет все деревни своего района, нечего и думать о возвращении. Если сеансы поздно заканчивались, оставался ночевать в нетопленном клубе на столе. А транспорт был ох, каким ненадёжным - бычок... Однажды строптивый бычок вырвался и убежал. Разве на костылях его поймаешь? Хорошо, шли женщины, увидели всё это, взялись за оглобли и доставили киномеханика с плёнкой прямо в клуб, где его уже ждали зрители. К своей профессии Капаев всегда относился творчески. Сам рисовал афиши, писал завлекательные рекламы фильмов. Сколько их показал за жизнь, - не сосчитать. Но были у него любимые картины и

любимые артисты. Об этом он охотно рассказал нашему корреспонденту. И снова, как и в случае с Соней, из этого хорошего материала надо было сделать достойный, интересный сюжет. И снова мучительные поиски формы! Любимыми актёрами Капаева были Алексей Баталов и Инна Макарова, а любимый фильм - «Дорогой мой человек». Вокруг этого и вращались наши мысли. Позвонила Баталову, его в Москве не оказалось, зато Инна Макарова, как только услышала, что речь идёт о сельском киномеханике, живо откликнулась на просьбу принять участие в передаче. Это сразу дало импульс для дальнейшей нашей работы. Передачу мы должны были записывать в новом сельском Доме культуры, оборудованном и новой киноаппаратурой. Но Капаеву на такой работать не довелось. В его время старенький проектор стоял в зале и стрекотал над ухом зрителей. Вот если бы нам достать такой допотопный и установить его, как прежде, прямо в красивом и нарядном зале! Позвонили в Починок и попросили поискать такое «чудо». А тем временем мы снова и снова пробуем «на вкус и цвет» разные сюжетные ходы. Чем мы можем удивить нашего героя, мечтающего все годы, а это мы уже знали точно, о встрече с любимыми артистами. И вот как смотрелся этот сюжет в окончательном варианте. Ведущая программ Валентина Леонтьева напоминает, каким праздником на селе был приезд киномеханика с плёнкой. Собирались и стар, и млад в какой-нибудь избе. Экраном служила простыня, а зрители усаживались на лавки, дети на полу и с замиранием сердца смотрели фильмы с изрядно побитой плёнкой. Между частями были перерывы, но никто не роптал, не свистел, не торопил механика, а терпеливо ждали, что же будет дальше? Ведущая говорит: «Мы не без труда достали такой киноаппарат, но найдётся ли человек, который может с ним управиться?» Естественно, в зале откликнулся Капаев. Ему и в голову не могло прийти, что в дальнейшем речь пойдёт о нём. А ведущая просит его показать нам плёнку, которая заранее была заряжена. Он легко соглашается, и на экране появляется фрагмент фильма «Дорогой мой человек». На вопрос, узнал ли он актёров, Капаев отвечает: «Как же можно их не узнать? Я могу перечислить все фильмы с их участием». Тогда ведущая предлагает продолжить показ, и на экране появляется Инна Макарова, но не в роли, а в жизни, и обращается прямо к Капаеву: «Здравствуйте, Александр Петрович! Наконец-то мы и встретились! Не только вы всё знаете обо мне, но и я немало о вас узнала. Теперь на правах добрых знакомых давайте поговорим. Не возражаете?»

А наша телекамера в это время показывает Капаева. Он растерян, потрясён и кивает в ответ, будто Макарова не на плёнке, а в жизни. На экране действие тем временем продолжается. Макарова действительно знает всё: и с чего началась его работа, историю о сбежавшем бычке тоже знает. И про то, как во время страды приезжает Капаев на поле и устраивает для трактористов интересные лекции о кино, пропагандирует хорошие фильмы. За всё это она благодарит Александра Петровича и заканчивает свой киномонолог словами:

- Я хотела бы все добрые слова сказать вам лично.

На этих словах мы подняли экран, а там уже живая Инна Макарова. Не успела ведущая пригласить Капаева на сцену, как он сам ринулся туда и, недолго думая, крепко обнял Инну Владимировну и даже поднял её высоко, высоко и закружил. Зал пришёл в восторг. А он от счастья всё никак не хотел отпустить любимую актрису, всё не верил, что это ему не приснилось... Инна Владимировна вела себя на сцене не менее эмоционально, чем Капаев. Она вручила ему подарки, которые привезла из Москвы. Это были книги о кино, календари с фотографиями известных актёров, свои афиши и плюс ко всему — бутылку хорошего коньяка!

Ещё один пример того, как рождается сюжет, что может послужить отправной точкой, с которой начинает усиленно работать авторская фантазия. 6-ю передачу «От всей души» записывали в Подмоскovie, в Реутово, на хлопкопрядильной фабрике. Коллектив, понятно, чисто женский, совсем как в песне - «незамужние ткачихи составляют большинство». Обитало «большинство», естественно, в общежитии. Старшее поколение доживало свой век в ветхих домишках, что «глядят на мир в три окошечка». Зато передовики производства наконец-то получили квартиры в новой пятиэтажке. Среди счастливицев Ольга Вахмянина. Подивиться на её «хоромы» мы и отправились с Ларисой. Двухкомнатная малогабаритка считалась тогда настоящей роскошью. В комнате её дочери Любочки нас поразило количество кукол. Двадцать, а может, и все тридцать! Хватило бы для целого детского сада. Не слишком ли много для одной маленькой девочки? Наверное, это не спроста, - подумали мы. Эту загадку нам предстояло разгадать, и потихоньку мы начали раскручивать нить... Олю и её сверстниц привезли в Реутово в 1944-м. Было им тогда лет по 12 - 13. Определили на фабрику ученицами. Сердобольные женщины отнеслись к ним тепло, словно к родным, и ласково называли «курсята», потому что были они родом из Курска и в войну остались круглыми сиротами. Прядильному делу учила их замечательная и

добрейшая Матрёна Дроздова. Она же мастерила для них тряпичных кукол. Эти куклы висели у каждой на станке, с ними девочки не расставались и играли, не выходя из цеха. Больше других привязалась Матрёна к Оле, самой тихой, беззащитной и такой маленькой, что до станка не доставала. Пришлось сделать ей подставку. Словом, вырастила она её, согрела своим теплом, одела, обула, приданое собрала, замуж выдала. Оля не забыла добро и Матрёну Ивановну почитала как родную мать и с нею переехала на новую квартиру. Теперь Матрёна Ивановна воспитывала её Любочку. Кажется, всё встало на свои места, всё можно объяснить... У самой Ольги Вахмяниной никогда не было настоящей красивой куклы, а те тридцать, что купила она Любе - своеобразная компенсация за собственное горькое, сиротское детство. Вокруг тряпичной куклы и завертелись, закружились наши мысли. Тряпичная кукла должна стать стержнем будущего сюжета, - решили мы. Но от идеи до воплощения, как известно, «дистанция огромного размера». Постепенно расплывчатая идея стала принимать вполне конкретные очертания. Дело в том, что В. Леонтьева, кроме нашей, вела ещё и детские передачи, и делала это замечательно. Грех было бы не использовать её умение общаться с детьми. И тогда придумался сюжет, который мы назвали «Сказка о тряпичной кукле». Ведущая спускается в зрительный зал, знакомится с работницами фабрики, берёт у них интервью и как бы случайно замечает в одном из рядов маленькую девочку. Разумеется, мы попросили Ольгу взять с собой Любочку. Валентина Михайловна интересуется, как зовут девочку, с кем она пришла, любит ли она смотреть передачу «Спокойной ночи, малыши». Нисколько не смущаясь, Люба отвечает на все вопросы. Тогда ведущая замечает, что сегодня она опоздала посмотреть любимую передачу, она уже прошла, а чтобы Любочка не очень огорчалась, расскажет специально для неё сказку. Вместе с девочкой поднимаются они на сцену. Там на столике уже всё заготовлено.

- Сейчас мы с тобой смастерим куклу из тряпочек. Согласна? А ты когда-нибудь играла с такой?

Понятно, современный ребёнок о таких слышать не слышал. Люба с интересом следит за тем, что делает тётя Валя. А берёт она старый чулок, набивает его ватой, перевязывает сверху бечёвкой, получают головка и туловище. Вместо глаз пришивает две чёрные пуговицы, вместо ротика - красную, на головку повязывает ситцевый треугольник, - и кукла готова! Люба хлопает в ладоши. Ей нравится эта страшилка. Ведущая объясняет:

- В такие куклы во время войны играли многие девочки, и маленькая Оля с подружками тоже. Других кукол у них не было.

Таким образом, Леонтьева успевала не только воссоздать куклу, но и рассказать историю «курсят», в том числе историю Ольги Вахмяниной и Матрёны Ивановны. В завершение она спрашивала у Любы, как зовут её маму и её бабушку.

- Маму зовут Оля, а бабушку - Матрёна Ивановна, - ответила Люба.

- Значит, это сказка про них, - пояснила тётя Валя. - Я обязательно хочу с ними познакомиться, помоги мне в этом.

Люба со всех ног бросилась в зал, схватила Ольгу и Матрёну Ивановну за руки и буквально потащила на сцену. Что было дальше, понятно без слов. Обе они не могли скрыть волнения. Время словно ожило в памяти и вернулось к ним в образе той самой тряпичной куклы. А в зале двадцать женщин вытирали слёзы. Это были Олины подруги, бывшие «курсята», и они играли с куклами, сделанными добрыми руками Матрёны Ивановны Дроздовой.

А теперь несколько слов в продолжение рассказа об Ольге и о том, от чего зависели наши судьбы. Передача прошла в эфир поздней осенью 1976 года, приблизительно в начале февраля 1977-го в редакцию позвонили из Наградного отдела Верховного Совета СССР и стали подробнейшим образом расспрашивать об Ольге, уточнять её анкетные данные. Я посоветовала обратиться непосредственно на фабрику, в отдел кадров. На том разговор закончился. И вот 8 марта 1977 года в списке женщин, получивших почётное звание Героя Социалистического Труда, оказалась и наша Ольга Вахмянина. Как выяснилось, помогла передача. Кто-то из высоких чиновников её посмотрел и был растроган рассказом о девочке-сироте и тряпичной кукле. Когда начали готовить очередные списки для награждения передовиков производства, видимо, тот человек припомнил наш сюжет. Пришла в действие огромная и малоподвижная машина. Представление к награде, на которое в обычное время уходили если не годы, то месяцы, было оформлено в кратчайшие сроки. Неожиданно для себя Ольга проснулась Героем! Вот как всё обернулось. Мы искренне порадовались за неё. Она была достойным человеком, великой труженицей, и Золотая Звезда ей не помешала. А история того, как порой становились у нас Героями - ещё один штрих к портрету времени.

Вспоминать я могу бесконечно. Сотни судеб прошли перед нами за те 15 лет. Забыть этих людей, эти

встречи уже невозможно. Взять хотя бы город Днепропетровск, металлургический завод им. Петровского. Снова материал давался с большим трудом, уж больно велико производство - десятки цехов, тысячи рабочих. Как найти неординарную судьбу? Помог случай. Кто-то в разговоре упомянул имя Антонины Слюсарь. В дни оккупации она, кажется, работала в немецкой комендатуре... Этого было достаточно, чтобы немедленно отправиться к этой женщине. Надо заметить, что при знакомстве мы старались не упоминать название передачи «От всей души». Её тогда смотрели все, и кому-то очень хотелось попасть на экран. Бывали случаи, когда прямо по ходу беседы люди сочиняли красивые истории, а то и приписывали себе подвиги, которых не совершали.

Антонина Андреевна встретила нас гостеприимно. Узнав, что мы журналисты из Москвы, первым делом принялась поить чаем с вареньем и угощать плюшками. Мы никогда не отказывались: так легче, естественней начать разговор. Словом, поведала она нам свою непростую историю. В первые дни войны проводила мужа на фронт, и всё бежала, бежала за составом, чтобы ещё раз увидеть родное лицо. А бежать-то ей никак нельзя, она была на восьмом месяце беременности. Уже через несколько дней немцы подошли к городу. С дочкой Майей и престарелой мамой ей удалось сесть в последний эшелон, покидавший Днепропетровск. У станции Синельниково поезд остановился. Дальше двигаться невозможно. При бомбёжке разворотило пути. Так и остались они в Синельниково. Общая беда объединяет. Чужие люди дали кров. В их доме через три недели Антонина родила вторую дочь, Лору. Сердобольные соседки принесли уголь, чтобы согреть воду. Кто-то поделился куском хлеба, который Антонина отдала голодной Майе. Силы восстанавливались медленно, на улицу она выходила редко, людей сторонилась. Месяца через три-четыре в дом к хозяевам заглянул молодой человек. Она его как-то видела: он лудил кастрюли. Незнакомец представился дедом Павло, поинтересовался, как она живёт, чем собирается заниматься, будет ли искать работу.

- Работать надо, иначе как прокормить семью? Да где её искать, ума не приложу...

Дед Павло пообещал помочь. Скоро он вновь появился.

- Немецкой комендатуре нужен сотрудник.

- Никогда, ни при каких обстоятельствах! - ответила Антонина.

Дед Павло сумел объяснить, что от её решения зависит жизнь или смерть многих людей... Самое первое задание оказалось не из лёгких. Необходимо было срочно прописать одного человека. Ей вручили пустой лист из домовой книги. В её задачу входило поставить на этом листе печать. Нет надобности говорить, сколь велик был риск. Она сумела. Второе задание по трудности не уступало первому. Стало известно, что в комендатуре готовятся списки молодёжи для отправки в Германию. Вынести или переписать их оказалось практически невозможно, но выучить, зазубрить фамилии, адреса было необходимо. В этом случае ещё возможно было спасти людей, спрятать их в надёжном месте. Антонина выполнила и это. Чуть позже дед Павло посоветовал ей с семьёй перебраться на дальний хутор: там и безопасней и проще обмениваться информацией.

Вот, вкратце, история этой женщины. Муж с войны не вернулся. Одна воспитала дочек, многие годы трудилась на заводе, заработала пенсию, сейчас уже не работает. Мы поинтересовались, кем стали её дочери.

- Лора - инженер-металлург, а Майя пошла в артистки. Работает в украинском театре, и муж у неё заслуженный артист - Марат Стороженко.

Мы с режиссёром Владимиром Акоповым переглянулись и подмигнули друг другу. К счастью, Антонина Андреевна не заметила. Идея сюжета родилась у нас, можно сказать, спонтанно и синхронно. Вот что значит, когда люди работают на одной частоте. Хозяйка порывалась накормить нас борщом с пампушками и варениками с вишней. Соблазн был велик, но мы поспешили покинуть дом, чтобы поскорее обменяться впечатлениями. О такой удаче мы не могли и мечтать. Нужно срочно повидать Майю. Найти её было делом несложным. Уже через пару часов она пришла к нам в гостиницу. Похожа на маму как две капли воды. О таком сходстве говорят: одно лицо! Выхода не было, пришлось открыть ей наши карты. Раньше мы никогда этого не делали. Но тут случай особый. Так прямо ей и сказали:

- Хотим в передаче «От всей души» рассказать о вашей маме. Сделать это возможно, если вы и Марат нам поможете. Но у нас условие - об этом разговоре и о наших планах ничего не должна знать Антонина Андреевна. В противном случае мы вынуждены эту идею оставить.

Майя приняла наше условие, и слово своё сдержала. Из разговора с ней мы получили дополнительно очень ценную информацию о жизни семьи, хотя самой Майе было в то время всего шесть лет. Расспросили и о сестре Лоре. Та, конечно, ничего помнить не может, но про один случай знает со слов

мамы и бабушки. Словом, материал сам шёл в руки... Теперь оставалось собрать воедино все факты, выстроить в один ряд всю цепь событий, а главное, написать несколько сцен, которые и должны разыграть на сцене Майя и Марат. Подготовка к передаче заняла почти два месяца. И вот мы вновь в Днепропетровске. До записи остаются считанные дни. Пришли к Антонине Андреевне теперь уже на правах хороших знакомых, чтобы пригласить её с Лорой, зятем и внучкой Ярославой на передачу. Договорившись с Майей, объяснили, что Майя и Марат, к сожалению, в этот вечер заняты в театре. То была ложь, но, как говорится, ложь во благо.

И вот настал самый трудный для нас день. Сюжет о Слюсарь мы поставили в конце передачи, рассчитывая на его эмоциональный заряд. Ведущая, не торопясь, начинает рассказ о судьбе женщины, проработавшей на заводе им. Петровского десятки лет. Антонина Андреевна сидит спокойно, ничего не подозревая. Немало женщин в первые дни войны провожали мужей на фронт, а сколько так и не дождались. Только при упоминании станции Синельниково встрепенулась. Не совпадение ли? Кто та женщина, чья история так похожа на её собственную? Но вот на сцене появляются Майя и Марат. Антонина Андреевна не верит собственным глазам. Как они здесь оказались? Почему? Но Майя и Марат в эти минуты забывают о родстве. Они артисты. Они играют три сцены из жизни подпольщицы Антонины Слюсарь. Главная, конечно же, последняя сцена, когда, вступая в ряды подпольщиков, Антонина даёт клятву до последней капли крови сражаться с фашистской нечистью, выполнять любые задания, даже под пытками не выдать своих товарищей. А дед Павло, в свою очередь, обещает, что если останутся они в живых, когда-нибудь, после войны, рассказать её дочкам, какой бесстрашной была их мама. Кстати, человек, которого играл Марат, деда Павло, звали Георгием Павловым и был он командиром объединённых партизанских отрядов. Зал с нескрываемым интересом и огромным волнением следил за всем, что происходило на сцене. Ведущая благодарит артистов и просит не уходить.

- Трудно ли было сегодня играть? - спрашивает она Майю.

- И трудно, и легко. Легко, потому что я играла историю жизни моей мамы, Антонины Андреевны Слюсарь. Трудно по той же причине.

Только сейчас мы впервые произнесли имя настоящей героини. Зрители разразились аплодисментами. Антонину Андреевну хорошо знали на заводе, ценили, уважали. Всё остальное было для них полным откровением. Ведущая продолжает разговор с Майей.

- Что помните Вы о том времени?

- Помню, когда мама возвращалась с работы, всегда беспокоилась: нет ли дома чужих людей. Однажды сказала: «Если хочешь, чтобы с твоей мамой ничего не случилось, вечером клади возле калитки белый камушек, и я буду знать, что никого чужих в доме нет, и я могу спокойно войти». Мне тогда это казалось весёлой игрой, но выполняла я её просьбу очень точно.

Тут по сценарию на сцену приглашалась наша героиня с дочкой Лорой и маленькой внучкой Ярославой. Лору до этого момента мы сами ни разу не видели, тем не менее, были уверены, что услышим от неё историю, в центре которой оказалась она сама, полугодовалая кроха.

- Однажды бабушка увидела в окно, как к хате направляется группа карателей. Тогда повсеместно шли облавы. Молодых и трудоспособных насильно угоняли в Германию. Охотились и за нашей молодой хозяйкой Дуней. Бабушка не растерялась и велела Дуне залезть под люльку, где лежала я, а сверху на люльку набросала всё тряпье, что было под рукой. И вот в дом ворвались непрошенные гости, обшарили углы, перевернули всё вверх дном. Дуню не нашли. Бабушка тем временем всё качает и качает мою колыбель, а я, голодная, надрываюсь от крика. Заглянуть под люльку немцы не догадались, но в гневе хлестнули бабушку несколько раз по спине плетью и удалились. Дуня была спасена.

Как сложилась судьба хозяйки, никто из семейства Слюсарь не знал. Сразу после освобождения Днепропетровска они вернулись в родной город. Нет надобности объяснять, что в эту минуту на сцену вышла Дуня, теперь уже Евдокия Григорьевна Демьяненко, и на глазах у всех произошла незабываемая по сердечности встреча.

Все, кто смотрели наши передачи, помнят: почти в каждой были трогательные до слёз встречи. Более того, зрители их ждали. Но устраивать встречи никогда не было для нас самоцелью. Просто в те годы война не была ещё столь далека от нас, как сейчас, и воспоминания о ней ещё были достаточно остры для целого поколения. Жизнь наших героев, их нелёгкие судьбы обязывали нас быть связующей нитью между их прошлым и настоящим. В подтверждение этого я хочу вспомнить ещё одну незабываемую встречу, которую мы подарили двум бывшим узникам Бухенвальда. Произошла она в 1974-м, в Эстонии. Там мы готовили передачу о строителях ударной комсомольской стройки Нарвской ГРЭС.

Ефим Житный родом с Украины. Там проходил действительную службу, там в первый месяц войны его полк попал в окружение. Выбраться не удалось никому. Одни погибли на месте, других ждал плен. Житного - Бухенвальд. Всю его горькую историю не стану пересказывать. Нас особенно взволновала его дружба с пятнадцатилетним пареньком Володей, самым юным узником лагеря. Не раз спасал его Житный от неминуемой смерти, выходил вместо него на каторжные работы, а однажды принял 100 ударов плетью вместо мальчишки. К счастью, оба остались в живых. После освобождения прошли ещё через наш фильтрационный лагерь. Это было уделом всех, оказавшихся в плену. И расстались, не успев обменяться адресами. Да и кто знал, что ждёт их дома, да и цел ли сам дом! Житный отлично помнил, что до войны Володя жил в Харькове, что отец его работал на железной дороге, кажется, даже был каким-то начальником, а сам Володя Оленик успел год поучиться в ФЗУ. Конечно, хотелось ему узнать о судьбе мальчишки, но где найдёшь его? Вот бы устроить им встречу, - подумали мы, тем более, исходные данные, как мы полагали, у нас в руках. Поиск начали с Москвы. В Советском комитете ветеранов войны имелись списки оставшихся в живых узников всех фашистских концлагерей. Увы, в бухенвальдском Владимира Оленика не оказалось, впрочем, как и Ефима Житного. Вот тебе и списки! Надежда была на отдел кадров Министерства путей сообщения. Там хранились данные на руководителей всех рангов, работавших на железных дорогах страны за многие десятилетия. Человек по фамилии Оленик на Южной железной дороге не значился. Позвонили в харьковский адресный стол. Оленик очень распространённая фамилия. Есть среди них и десятка три Владимиров, но не сходился год рождения. Видимо, что-то перепутал Житный. Поскольку передачи «От всей души» готовились не один месяц, нам предстояла ещё одна поездка в Нарву, а стало быть, и возможность уточнить ещё раз у Житного какие-то детали. В это же самое время Лариса Муравина поехала в Харьков «пошерстить» районные загсы. Договорились по ходу поисков ставить друг друга в известность. Словом, я вновь у Житного. Чтобы не вызвать подозрения, говорю, что была в соседнем доме и решила навестить старого знакомого. А он про мой визит просто забыл, да и нашему тогдашнему разговору не придал никакого значения. Я же исподволь возвращаюсь к судьбе Володи. Он недоумевает: зачем мне это надо? Всё, что знал, уже рассказал, больше ничего не помнит. Из гостиницы звоню Ларисе. Ей тоже похвастаться нечем. Довоенные книги регистрации новорожденных сгорели в дни оккупации. Наши поиски зашли в тупик. С тем и вернулась я в Москву. В 10 утра уже была в Останкино. Открываю дверь редакции и слышу настойчивый телефонный звонок. Успела подбежать:

- Москва, Москва, ответьте Харькову... Густой мужской баритон произносит:

- Передача «От всей души»? С вами говорит горвоенком. Вы разыскиваете Оленика? Он живёхонек и стоит рядом со мной. Только фамилия его не Оленик, а Оленич. Вот почему вы не могли его найти. Передаю ему трубку...

От неожиданности я потеряла дар речи, не знала, что сказать... Наконец произнесла:

- Вы были в Бухенвальде?

- Был.

- Помните имя вашего друга и соседа по нарам?

- Ефим Житный.

Ничего больше я не смогла произнести и повесила трубку. Через минуту спохватилась. Что сделала? Не узнала даже его адреса, телефона, кем стал, где работает, есть ли семья? Потом сама себя начала успокаивать: ничего, можно перезвонить в военкомат и спокойно расспросить. Главное - нашёлся! Оленик - так запомнил Житный. Оленич - такова была настоящая фамилия Володи. Одна буква решила всё. Скоро появилась в редакции Лариса. Она ещё не знала о звонке. Оказалось, за два часа до отъезда из Харькова она решила зайти на телевидение и попросила коллег, в порядке исключения, дать объявление в эфире о том, что московские журналисты ищут бывшего узника Бухенвальда Владимира Оленика. Объявили это в ночных новостях, когда Лариса уже села в поезд. На наше счастье, кто-то из сослуживцев Володи смотрел этот выпуск.

И вот Владимир Оленич едет с нами в Нарву. Волнуется, всю ночь не смыкает глаз, мерит шагами коридор, курит в тамбуре. Выясняет, может ли он сразу пойти к Житному. Объясняем, уговариваем - надо потерпеть. Не виделись 28 лет, ещё один день ничего не решает. Встреча должна произойти только на передаче.

И она произошла, эта необыкновенная встреча. Седой как лунь Житный и молодцеватый, но далеко уже не мальчик Оленич смотрят друг на друга и не верят своим глазам. Житный поглаживает по голове товарища. Наверное, так он делал в лагере, когда хотел приласкать паренька. Что-то показывает рукой,

видно, каким он был тогда, а теперь вырос на полголовы. Мы не слышим их разговора, в этом нет необходимости. Достаточно видеть, как они счастливы. И тут в зале начинает звучать фонограмма известной песни В. Мурадели «Бухенвальдский набат»:

*Люди мира, на минуту встаньте...
Слышите, слышите - гудит со всех сторон,
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.*

И без всякой подсказки, вот уж действительно в едином порыве, встаёт весь зрительный зал. Житный берёт за руку Володю и так, не разнимая рук, они слушают песню. Они не плачут, нет! Плачут зрители, плачут молодые, а в зале сплошь молодёжь, строители Нарвской ГРЭС, посланцы всех областей и республик страны. Может быть, сейчас они впервые поняли, что такое война, что такое испытание смертью и какова цена человеческой дружбы.

Приступая к очередному поиску, мы всегда в душе надеялись на удачу, но всё же полной уверенности никогда не было, а вот неожиданности подстерегали. Так было в случае с Колей Логиновым. В шахтёрском Копейске, который я уже упомянула в связи с судьбой Кати Подорвановой, в годы войны находился госпиталь. Туда в конце 1943-го привезли тяжело раненного мальчишку 12-13 лет. Был он на волосок от смерти. Спасти его можно было лишь ценой ампутации руки и ноги. На это и решилась главный врач, хирург Нина Николаевна Пузыревская. Об этом нам рассказала её дочь Наталья Борисовна, ставшая, как и мать, врачом. А в то время Наташе было всего 6 лет. Оставлять её дома одну мать не решалась. Каждое утро отправлялись они вместе в госпиталь. Ей даже сшили белый халат и шапочку. Появление такой крохи было радостью для раненых. У многих дома оставались такие же малые дети. Наташа развлекала всех, как могла, читала стихи и пела. Когда после операции Колю привезли в палату, девочка от него не отходила, сама поила его то из ложечки, то из кружки. Увы, Наталья Борисовна не могла вспомнить, откуда родом Коля, куда он уехал. Она пообещала собрать старых медиков, которые могли это знать. Первой пришла Нина Александровна Танеева. Во время операции она лежала рядом с Колей на соседнем столе, и её кровь переливали ему из руки в руку. Потом не раз она навещала мальчика, но никаких сведений о его местожительстве не имела. Следом пришла Лидия Петровна Старостина. Она была старшей медицинской сестрой. Весной и летом на руках выносила Колю в сад, чтобы он мог подышать свежим воздухом. Ей помнилось, что родом он то ли из Курска, то ли из Орла, был круглым сиротой, сыном кавалерийского полка, и командир перед строем вручил орден Красной Звезды. Последними пришли бывшие пионерки-тимуровки, Вера и Светлана. Они утверждали, что мальчик родом с Кубани. Основания так думать у них были. Дело в том, что их класс шефствовал над госпиталем. Коля однажды поделился с девочками своей мечтой - он хотел носить кубанку. И они тут же отправились в ателье, рассказали женщинам о раненом мальчике, и через три дня кубанка для Коли была готова. Курск, Орёл, Кубань... Для поисков явно не достаточно, но встречи эти навели на мысль обязательно сделать сюжет об этих славных женщинах, их безграничной доброте, их щедром сердцем, отзывчивой душе. Конечно, если бы нашёлся Коля, это могло бы стать прекрасным завершением сюжета. Если бы...

Загадочная вещь - наша память. Что-то безжалостно стирает, оставляя белый, чистый лист. Было - не было? Поди, знай! А то вдруг выдаст информацию, которая годами хранилась в её глубинах и, кажется, только и ждала выхода. Так произошло с Наташей Пузыревской.

- Боже мой, как я могла забыть о посылке. Ведь мама получила однажды от Коли бандероль. Там было письмо и пряник, такой красивый и очень вкусный...

«Пряник, пряник, пряник!» - повторяли мы про себя магическое слово. Где делают пряники? Какой город ими славен? Конечно же - Тула!

Вернувшись из Копейска, первым делом связались с адресным столом Тулы, поделились нашей проблемой с милыми женщинами, которые там работали. Они обещали помочь. Через день мы уже знали: в Туле шесть Николаев Логиновых, но только у одного сходилась год рождения. Вызвали его на переговорный пункт. Как трудно и боязно начать разговор! Как горько, если это окажется ошибкой... Но счастье нам улыбнулось. Это был тот самый Коля Логинов. И всё-то он помнил, всех назвал и в первую очередь Наталку. На вопрос хочет ли поехать в Копейск, ответил: «Если меня не отпустят, возьму отпуск за свой счёт. Только ехать один не могу, я ведь хожу с двумя палками, меня всегда сопровождает жена».

- И, если можно, захватите пряник, - попросила я робко.

- И пряник, и самовар, только бы поскорее встретиться!

На передаче мы пригласили на сцену всех женщин, и они охотно рассказывали историю Коли. И снова спорили, откуда он родом, и снова звучало: Курск, Орёл, Кубань...

- Нет, не Курск, не Орёл, не Кубань, а Тула! - говорит ведущая и просит, чтобы Николай Степанович сам это подтвердил. И выходит на сцену грузный человек с седыми висками и, опираясь на палки, медленно направляется к столу, где сидят застывшие от неожиданности все его спасительницы.

- Коля, ведь ты прислал нам пряник! Как же я сразу не догадалась, что ты из Тулы! - Это, конечно же, говорит Наташа Пузыревская.

- А я и сейчас привёз пряник, - отвечает ей Коля, - такой большой, что всех вас угощу. Вот только вскипятим самовар...

Тут наши помощники внесли гигантский пряник и красавец самовар - Колины подарки. Не было счастливей их в эту минуту.

Пусть не покажется, будто всё и всегда нам удавалось, и удача шагала вместе с нами. О, если бы! Жизнь порой вносила свои коррективы, меняла все наши планы. Так, за три недели до записи в Калининграде умер человек, который должен был стать главным героем передачи. Капитан рыболовецкого траулера Георгий Прокус, крепкий, сильный, закалённый мужик умер в одно мгновение. В войну он командовал катером, который сами моряки окрестили «Бессмертным», потому что Прокус умудрялся за все годы не потерять ни одного боевого товарища. Больших трудов стоило нам найти его «братву» и пригласить на встречу с любимым командиром. Как же они радовались этой возможности!.. И вдруг такой удар. Эту передачу мы готовили вместе с Кирой Прошутинской. И хотя знакомство наше с Прокусом было недолгим, но его уход мы пережили так, словно потеряли родного человека. Но работа есть работа. Передачу не отменить. А как быть? Заменить такой сюжет невозможно. Значит, надо попытаться рассказать об этом человеке так, чтобы у всех осталось ощущение, что он с нами... Друзьям Прокуса предстояло сообщить горькую весть только здесь, в Калининграде. Как это было трудно. Вместе плакали, вместе решали, как лучше построить рассказ. Ещё за три короткие недели нам удалось, вопреки желанию первого секретаря обкома партии, имевшего «зуб» на Прокуса за его своевольный и независимый характер, всё-таки добиться, чтобы рыболовецкий траулер, на котором служил Прокус, отныне носил его имя. И это была наша маленькая победа. Надо дорожить живыми и помнить ушедших. Девиз на все времена.

И вот ещё одна история, не столь драматичная, но тоже оставившая свой глубокий след. Передача была посвящена труженикам города-героя Тулы. Какое ни возьми производство - оружейное, самоваров, гармоней, пряников - везде есть свой «левша», мастер уникальный и неповторимый. Анна Матвеевна Павлова - одна из них, главная пряничница, руководит экспериментальным цехом. Познакомила она нас со своей подругой, Евдокией Ивановной Прокофьевой. Перед войной тогда ещё Дуся Шишкина была комсомольским вожаком, секретарём Тульского горкома. В 1943-м ушла на фронт. Сражалась под Сталинградом и была парторгом 700-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования. С первой встречи мы почувствовали с Евдокией Ивановной обоюдную симпатию, и она обмолвилась, что хранит долгие годы альбом, в котором фотографии всех бойцов её полка. Снимались они перед демобилизацией. Я попросила разрешения взглянуть. Она принесла его, красный, бархатный, довоенного образца и не возражала, когда я записала фамилии её фронтовых друзей. О том, что мы готовим передачу «От всей души», я, как всегда, умолчала. Рассказ о Прокофьевой по нашему замыслу должен был стать частью сюжета о молодёжи Тулы первых лет войны. Кстати, в партийном архиве нам показали замечательное письмо рабочих оружейного завода, отправленное Дусе на фронт. Мы предполагали закончить этот сюжет встречей Евдокии Ивановны с её боевыми друзьями. Не стану пересказывать ход поисков, но четырех её солдат удалось отыскать. И вот они уже в Туле. Считают часы до встречи с Дусей. У меня никаких волнений, остаётся лишь пригласить её на вечер. Звоню. Евдокия Ивановна обрадовалась.

- Вы снова в городе? На этот раз придёте ко мне на пироги. Отказа не принимаю. Назначайте день...

Я объясняю, что перегружена делами, но мы обязательно увидимся, не позже, чем через день во Дворце культуры и приглашаю её на передачу «От всей души»...

- А какое отношение вы имеете к этой дурной передаче? Не знала! Не ждите, не приду. Все эти ваши встречи - сплошное надувательство. Неужели кто-то ещё верит, что это не спектакль. Всё там разыграно по нотам... Извините и не обижайтесь...

Такого оборота я никак не могла предвидеть. Бегу к Анне Матвеевне. Прошу её помощи. Она

успокаивает, обещает Дусю привести с собой. Вечером звонит и сообщает, что Дуся категорически отказалась. Но не все потеряно. Есть у них ещё одна общая подруга. Та обязательно её уговорит. При этом ни Анне Матвеевне, ни их подруге я всех карт не открываю. Они без слов понимают, что это важно. На всякий случай запасаясь адресом Прокофьевой и договариваясь о дежурной машине.

И вот наступает день передачи. Покоя нет. Прокручиваю в голове все варианты в случае, если она всё же не приходит. Остаётся ждать. Как всегда, за 15-20 минут проверка готовности. Все ли герои на месте. Все. Нет одной Евдокии Ивановны. Мечусь по фойе, как безумная, и сквозь дверное стекло вижу, как идёт она под руку с приятельницей. Мгновенно отлегло от сердца. Можно начинать...

Переход к рассказу об её альбоме был настолько плавным и органичным, что она восприняла это вполне спокойно, но когда ведущая перечислила пофамильно тех, кто снят на фото, и они поочерёдно начали выходить на сцену, тут, не ожидая приглашения, она бросилась им навстречу.

- Товарищ старший лейтенант! Бойцы 700-го артиллерийского гаубичного полка резерва Главного командования на встречу с вами явились!

Она обнимала их, они её, потом снова - она их, они её. Потом встали в кружок и все вместе обнялись.

- Маклецов, да ты такой же герой, ничуть не изменился, - говорила она одному из них. - Полянцев, а ты возмужал, тебя бы никогда не узнала, если встретила на улице. Ребята, как вы здесь оказались? Как?

- Вот так и оказались, - пошутил кто-то из них.

Зрители искренне смеялись, так непосредственно вела себя Прокофьева...

В зал спуститься она не пожелала, а друзей поспешно увела за кулисы, чтобы наговориться всласть.

Когда закончился вечер, ушли зрители, опустело фойе, ко мне подбежала взволнованная Евдокия Ивановна:

- Как же вы могли меня не предупредить? Вы хоть понимаете, что я могла не прийти? Что бы вы делали, господи?! Я ведь не собиралась идти.

И тут совершенно спокойно я ей ответила:

- Такого быть не могло. Если бы вы не пришли, я бы приехала к вам, благо машина дежурила у дверей...

- А я бы не соглашалась!..

- А я бы сказала: одевайтесь, Евдокия Ивановна, и едем, иначе я умру на ваших глазах! Попробовали бы вы отказаться.

И мы обнялись с ней крепко-крепко. И она тихо, тихо шепнула мне на ухо: «Спасибо».

- Надеюсь, отныне вы не станете утверждать, что все встречи в передаче - сплошная липа, что все всё заранее знают?

- Беру свои слова обратно. Испытала на себе. Всё по правде, всё без обмана.

Дорого далось это признание. Наши страхи, тревоги, волнения, бессонные ночи, даже минуты отчаяния окупались с лихвой той радостью, которую мы дарили замечательным людям - героям передачи. Через тридцать лет разбудил меня ночью, я назову все фамилии, адреса, истории их жизней. Память пока меня не подводила. А там - кто знает... Поэтому и стараюсь перенести на бумагу дорогие сердцу воспоминания и имена.

Для тех, кто смотрел передачи цикла «От всей души», все они ассоциировались с одним лишь человеком - Валентиной Михайловной Леонтьевой. Ей и только ей достались все лавры, в том числе и Государственная премия СССР. Тысячи и тысячи людей писали ей благодарственные письма. Её, самую добрую и сердечную, просили они совершить ещё одно чудо и найти близких, друзей, которых потеряли в годы войны. Поступали и коллективные заявки от «фабрик, заводов, газет, пароходов» с просьбой к Валентине Михайловне приехать и рассказать с экрана об их замечательных людях. Всю эту корреспонденцию в обязательном порядке ставил «на контроль» отдел писем телевидения. Это означало, что в десятидневный срок необходимо ответить автору. Отвечала на тысячи писем не Валентина Михайловна, а, как не трудно догадаться, редактор. Отвечать по стандарту было невозможно. Каждое письмо буквально кричало от боли, несчастий и потерь, а помочь всем мы, конечно, не могли. Службы поиска на телевидении не существовало. Но посочувствовать людям, указать возможные пути решения их нелёгких проблем мы действительно старались от всей души. Надо добавить, что и нам далеко не каждый поиск удавался. Подольский, Гатчинский и Красногорский архивы были и без того перегружены. Да и время делало своё дело. Кого-то из разыскиваемых уже не было в живых, кто-то сразу после войны уехал в другие края. Словом, письма я писала обстоятельные и уважительные. Кроме того, обязательно объясняла каждому автору, почему именно я, а не В. М. Леонтьева, отвечаю, ведь свои надежды люди

связывали только с ней одной. Приходилось писать, что уважаемая Валя только ведёт передачи, а создают сценарий и занимаются поиском наши журналисты. Часто приходили ответы от зрителей. Они благодарили за внимание, сочувствие и доброту. Но вот однажды в редакцию позвонил Сергей Георгиевич Лапин, председатель Гостелерадио, и попросил к телефону меня. Звонил он, как правило, не через секретаря, как делали все начальники на свете, а сам набирал номер и, пожалуйста, личное общение с подчинённым. Такие игры он любил. Голос его был весьма грозен.

- Я прочитал один ваш ответ зрителю и понял: вы человек с чёрной душой.

Я чуть было не поперхнулась, но всё же попробовала возразить:

- Никто никогда мне такое не говорил...

- А я говорю с полным на то основанием. В письме вы без зазрения совести лжёте нашим телезрителям, именно лжёте, утверждая, будто не Леонтьева делает передачу, а журналисты. Да вы ей просто завидуете.

Я почувствовала, как с каждой секундой нарастают его раздражение и злость.

- Не думайте, что вам это сойдёт с рук.

И он бросил трубку. Как всегда оставалось ждать кары, ибо Лапин был, и это все знали, злопамятен, ничего не забывал, ничего ни кому не прощал.

Через пару-тройку дней на Пятницкой проходил партактив Гостелерадио. Меня там быть не могло, ибо в партии я никогда не состояла. Но руководство нашей Молодёжной редакции присутствовало в полном составе. От них я узнала подробности того, что происходило. Председатель, говоря о работе с письмами, как о важном факторе связи телевидения с народом, в качестве примера безобразного отношения сотрудников к своим обязанностям привёл именно моё письмо.

- Пожалуйста, послушайте, что позволила себе редактор Краснянская...

И прочитал мой ответ на коллективное письмо работников одной из районных библиотек далёкого сибирского города. Зал слушал внимательно, но никакого криминала в письме не почувствовал. Более того, нашёлся смельчак, который крикнул с места:

- Нормальное письмо! Не Леонтьева делает передачу. Это знают все.

Председатель, не привыкший, что ему могут возразить, оставил на этот раз реплику без ответа. Такое случалось редко. Свою нелюбовь к тем, кто делал передачу, и ко многим другим, кто преданно служил телевидению, он даже не пытался скрывать. Его коробило, если на экране появлялись титры создателей программ, особенно нашей, «От всей души». В этом смысле «подлил масла в огонь», может быть, того не желая, Ираклий Андроников. После выхода третьей передачи, одной из самых лучших, о рабочих завода «Калибр», сразу несколько центральных газет поместили рецензии. Самую восторженную написал всеми уважаемый Ираклий Луарсабович. А закончил он её так: «Не надо зрителю думать, что кто-то писал сценарий, а кто-то репетировал отдельные эпизоды. Мы воспринимаем это как кусок живой жизни и поздравляем Центральное телевидение с открытием его новых безграничных возможностей». Поздравление, конечно, грело душу, но с главным тезисом можно было и поспорить. Но Лапин подхватил именно эту мысль и долго делал вид, будто работающие над циклом всего лишь исполнители творческих задумок ведущей.

И вдруг в один день всё переменялось. Председатель вызвал нас к себе и всячески выражал своё уважение. Мы недоумевали. Дело в том, что, ко всему прочему, был он ещё и депутатом Верховного Совета СССР и баллотировался от города Вольска Саратовской области. Несколько раз ездил туда на встречу с избирателями. На одной из встреч кто-то из жителей Вольска попросил депутата рассказать по телевидению о славном городе цементников именно в передаче «От всей души». Наказ избирателей, как известно, закон для депутата! Вот тогда-то и пришлось товарищу Лапину любезно попросить нас поехать в Вольск. Оказалось, всё-то он прекрасно знает: и как делается передача, и кто «главный в лавке». Разговаривал он с нами почтительно и даже чуть заискивая. Уж больно важно ему было, чтобы передача эта состоялась. Он коротко пересказал историю города, назвал основные производства и добавил: «Учить учёного - только портить. Вы знаете лучше меня, где искать будущих героев. Желаю успеха». Поняв, что аудиенция закончена, мы поднялись. Хозяин кабинета галантно проводил нас аж до двери, долго жал мою руку и совершенно неожиданно спросил: «Вы на меня всё ещё сердитесь?» Честное слово, я никак не могла взять в толк, о чём идёт речь. Тогда он пояснил: «Это я о Государственной премии. Но, поймите, впервые наше телевидение претендовало на столь высокую награду, а имя Леонтьевой гарантировало успех». И затем тихо, почти заговорщицки, проговорил: «Ничего, за Советской властью не пропадёт». Что он имел в виду, сказав «не пропадёт», я так и не поняла, зато, выйдя в коридор, мы все от

души посмеялись. Через полгода меня наградили орденом «Знак Почёта». Родная Советская власть не забыла скромного труженика экрана! И за это ей спасибо, конечно же, «от всей души». Боюсь утверждать, но, кажется, это был первый случай, когда отметили не большого начальника, к примеру, главного редактора или политического обозревателя, а рядового славной армии телевизионщиков. Все мы, ей-Богу, работали не ради почестей и орденов, а ради тех, кто нам верил, кто ждал от экрана добрых мыслей и простого человеческого сочувствия, уважения, понимания их проблем, тревог и чаяний.

Первые годы адреса наших передач мы выбирали сами: Тула, Владимир, Калуга, Первоуральск, Челябинск, Томск, Каменец-Подольский, Тирасполь, далёкие сельские районы Рязанщины, Белгородчины, Брянщины, Смоленщины. Но чем популярней становилась передача, тем больший прессинг мы ощущали. Однажды приехала делегация в составе четырёх человек из Стаханова, что в Донбассе. Стахановскому движению в 1985 году исполнилось 50 лет. Партийные боссы решили, что пришло время напомнить о славном его зачинателе и всеми забытом городе, некогда называвшемся Кадиевка. Миную Лапина, они отправились прямо в ЦК КПСС, и уже оттуда незамедлительно последовал звонок с настоятельной просьбой «поддержать товарищей». Через день мы отправились в Стаханов. Надо сказать, что сам Алексей Стаханов представляется мне фигурой глубоко трагической, но об этом и по сей день не принято говорить. Нашим консультантом вызвался быть бывший парторг ЦК, а в 1935-м секретарь парткома шахты «Центральная-Ирмино», Герой Социалистического Труда Константин Григорьевич Петров. Ох, и хитрый, тщеславный был мужик! Грешна, но думаю, он рассчитывал стать главным героем передачи, ведь это ему пришла в голову идея рекорда, а под идею он подбирал исполнителя, подходящего по всем анкетным данным. Сам Стаханов ни о чём таком не помышлял, более того, долго не соглашался. Но это уже другая история.

Без Петрова мы и шагу ступить не могли. Списки людей, с которыми надо встретиться, составлял он единолично. Первым в этом списке значился шахтёр, повторивший и даже перекрывший рекорд Стаханова. Время шло, а с обещанным человеком он упорно нас не знакомил. Понять причину мы не могли. Но наступил тот «счастливый день» в нашей работе, когда Петров не явился в назначенное время и вообще исчез с нашего горизонта, будто его и не было. По секрету нам сообщили, что у него очередной запой! Ничего хорошего в этом, конечно, не было, и радоваться этому грешно, но нам это развязало руки, и мы сами отправились на поиски стахановского дублёра.

На окраине города в доме-развалюхе никто двери не открыл. Соседи объяснили, что хозяина давно не видели, живёт он один, жена бросила, дети отказались и, скорее всего, он где-нибудь валяется пьяный. Правда, через день инструктор горкома партии сообщил, что встреча всё же состоится. Повезли нас почему-то в профилакторий. Там, в одной из палат нас ждал маленький мужичишка в выцветшей больничной пижаме. Ноги его от ступней до колен были перевязаны, и он не мог даже привстать. Видно, где-то его всё-таки обнаружили, доставили сюда, отмыли, побрили, подкормили, показали врачам и даже начали спешно лечить незаживающие трофические язвы. Словом, навели марафет на полуживого человека. Немало интересного поведал нам этот бесхитростный пролетарий. Ему и в голову не приходило, будто надо что-то скрывать, утаивать. Вспомнил он, и сам при этом очень смеялся, как вместе с Алёшкой приехали они в Москву поступать в Промакадемию. Великие грамотеи получили на экзамене по русскому заслуженный неуд. Начальник Академии сказал, как отрезал: «С такими знаниями в Академии делать нечего». Тогда оскорблённый Стаханов позвонил ни больше, ни меньше в приёмную Сталина. Тов. Сталин просил передать тов. Стаханову, чтобы он с товарищем поехали снова в Академию, а он тем временем за них «похлопочет». И похлопотал! Начальник Академии перед ними извинился и поздравил с зачислением. Таких эпизодов в запасе у нашего знакомого было немало.

Мрачное впечатление оставил и город. Пустые прилавки магазинов. Воду подают в дома на 2 - 3 часа и только по ночам. Все шахты сплошь аварийные. Полная беспросветность. К тому же Дом культуры, откуда предполагалось вести передачу, был уже года два на капитальном ремонте, и сроки завершения работ не просматривались. Накануне нашего отъезда первый секретарь горкома собрал у себя членов бюро. Он хотел, чтобы те услышали из первых уст о наших впечатлениях от поездки. Серьёзные мужчины в чёрных пиджаках и при галстуках (а на улице было +35°C) открыли блокноты и приготовились записать пожелания, которые надо будет претворить в жизнь, чтобы передача прошла успешно. И я, беспартийная, вынуждена была сказать «со всей большевистской прямоотой», что думаю об их несчастном городе, о заброшенных людях, аварийных шахтах. И если пьют по-чёрному герои будущей передачи, чего ждать от простых смертных. Видимо, я была убедительна, ибо никто мне не возразил ни по одному пункту. В полном молчании мы покинули кабинет секретаря. Желающих

проводить нас в аэропорт не нашлось. А ведь как красиво всё начиналось! Машины, букеты роз, номер люкс в гостинице, и даже вода в кране была всю неделю. Мы были готовы к тому, что на нас поступят жалобы, что с нами будут разбираться, вызовут к начальству для объяснений. Но ничего этого не было. Лет через пять Владимир Молчанов для программы «До и после полуночи» снял правдивый и честный очерк о городе Стаханове, но в 1985-м нам ещё не дано было говорить всю правду о том, что творилось повсеместно. Понимаю, моим молодым коллегам трудно это представить. Своё право говорить во весь голос и обо всём, не страшась последствий, они получили, можно сказать, готовеньким. В том, что сейчас они бьют наотмашь невзирая на лица, заслуга их невелика. Но об этом как-то все сразу забыли.

Когда вышел в свет литературный «шедевр» Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», нас, не спрашивая, немедленно забросили на эту самую землю. Чтобы мы оценили остроту момента и важность нашей миссии, тов. Лапин организовал встречу с помощником Брежнева, занимающимся именно этой страницей жизни вождя. Итак, мы сподобились посетить Старую площадь, Центральный комитет Коммунистической партии. Мы - это Валентина Леонтьева, режиссёр Владимир Акопов и я. Нас встретил немолодой, усталый и равнодушный человек. Стол, за которым он сидел, был девственно чист, если не считать стакана с десятком хорошо отточенных карандашей. О том, что такое Малая земля, и какова её роль во всей истории войны, он объяснял исключительно Валентине Михайловне. Нас в расчёт не брал. Мы были лишь фоном, сопровождающими лицами знаменитого диктора.

В Новороссийске нас ждала ещё и встреча с первым секретарём горкома партии. А как иначе! Он, словно гипнотизёр, внушал нам, что в Новороссийске есть люди, которые хотят во что бы то ни стало примазаться к славе настоящих героев, и высаживались они на самом деле не первыми катерами, как утверждают. Надо за ними сто раз всё проверять. Смешно об этом сейчас вспоминать, но Малую землю мы с режиссёром Володиёвым Акоповым прошагали метр за метром, и при упоминании о ней я уже никогда не позволю себе иронизировать. Все, кому выпала страшная доля сражаться на этом простреливаемом со всех сторон клочке земли, были смертниками. Выжить удалось единицам. Я познакомилась с медицинской сестрой, которая чудом уцелела. Мы шли с ней по самой кромке берега, и она рассказывала, как море на глазах меняло цвет, становилось красным от крови, как раненые, те, кто ещё держался на воде, тянули руки и молили о помощи. Этот рассказ врезался в память, его уже не забыть. Перед всеми, кто там воевал, я склоняю голову.

Работая над этой передачей, мы не собирались отступать от наших принципов, и кроме малоземельцев, искали интересных людей, живущих в Новороссийске. И, конечно, нашли. Одним из них был таксист Николай Лимонов. Каждый год 8 марта он дарил цветы всем женщинам, которые садились к нему в машину в этот день. Пенсионер Павел Иванович Федорчук в нескольких станицах, где прежде работал, построил маленькие копии Спасской башни с курантами. Так и стояли они по всему Ставрополью, отбивая время и напоминая о добром умельце. А ещё мы познакомилась с удивительной Марией Герасимовной Савченко. В 1936-м году юная Мария вместе с известными детскими писателями отправилась в Ленинград встречать первый пароход с испанскими детьми и стала их воспитательницей в интернате. Они сразу почувствовали её доброту и сердечность, а она скрашивала, чем могла, их сиротство. Десятки лет поддерживала она отношения со своими выросшими воспитанниками. Многие из них уехали на родину, в Испанию, и только Хосе Домингос остался. Жил он и работал агрономом на Украине. Забегая вперёд, скажу, что Хосе приехал повидаться к маме Марии, так её называли все дети, и, увидев его через тридцать лет, она вдруг заговорила по-испански. Валентина Михайловна пыталась вмешаться в их разговор, просила перевести на русский, но Мария Герасимовна словно не слышала этой просьбы. Она продолжала говорить по-испански. Наверное, это можно объяснить: ничто не проходит бесследно, всё остаётся в кладовых нашей загадочной памяти, и в минуты душевных потрясений выходит на поверхность.

Передачу мы записали. Был там, само собой разумеется, сюжет о Малой земле, о её подлинных героях, тех, кто не мелькал на фото- и кинокадрах рядом с «дорогим Леонидом Ильичом», кто не выставлял на показ своих заслуг, не лез вперёд, но пролил свою кровь вместе с другими неизвестными солдатами.

Мы не успели ещё вернуться в Москву, а нас уже опередил звонок секретаря горкома партии Новороссийска. Он негодовал: как можно, рассказывая об их героической земле, выбрать таких несолидных героев, каких-то чудаков. Особенно пришёлся ему не по душе тихий, скромный часовщик. И таксист вызвал его неприязнь... Эка заслуга, дарить женщинам цветы! Небось, покупал их на щедрые чаевые! Начальство, отсмотрев программу, приняло половинчатое решение: часовщика вырезать,

таксиста, так и быть, оставить. В целом передачей остались недовольны. А нам все эти «несолидные» были дороги и милы, потому что были открыты для добра, умели делиться тем, что имели, отдавать, ничего не требуя взамен.

Мы бесконечно любили своих героев, мы подружились с ними, и наша дружба не заканчивалась выходом передачи в эфир. Они знали, что в любое время могут обратиться к нам со своими просьбами и бедами. И в разные города и веси мы немедленно отправляли посылки с лекарствами, книгами, а то и носильными вещами для детей и внуков наших малоимущих друзей. Мы не уставали хлопотать им пенсии, восстанавливать истории болезней или недостающий стаж. Разве можно было представить, что, оказавшись в Белоруссии, я и Лариса не заедем хоть на день навестить любимого нами Евгения Фёдоровича Мироновича, директора совхоза «Любань», что под Молодечно. Вот уж действительно это был человек из легенды. Бесстрашный командир партизанского отряда, за голову которого немецкое командование обещало вознаграждение в 600 000 рейхсмарок. В 1944-м он возглавил разорённое войной хозяйство. Миронович поражал уникальными знаниями законов земли, смелыми экспериментами, неординарными решениями. К тому же был он великим мудрецом, добрым и справедливым. И нас любил, как своих детей.

Если я оказывалась на Южном Урале, выкраивали день-другой, чтобы поехать в Копейск и повидать Нину Александровну Танееву, Наташу Пузыревскую и «бременского музыканта» Ивана Ивановича Менгеля. Он действительно родом был из Бремена. В 1933-м с мамой, а была она членом коммунистической партии Германии, бежали в СССР. Мать работала в Коминтерне, сын учился в московской школе. Далее понятно без слов. В 1937-м мать арестовали, парня отправили в детский дом. В войну оказался он на Урале, работать послали в шахту. Начинал коногоном. Когда мы готовили передачу, это был 1974-й год, Иван Менгель был инженером на шахте «Центральная». А ещё знали его в городе как организатора и руководителя оркестра народных инструментов. Сам он виртуозно играл на балалайке, мандолине, гитаре. Однажды позвонил и попросил купить ему домру. Оказалось это дело не простым. Домры бывали редко. Продавались они только в магазине музыкальных инструментов на Неглинной. Пришлось «караулить». Наконец узнаю, что привезли. Слезно прошу дать хоть день отсрочки, - не могут. Выкупить надо в течение двух часов, желающих очень много. Скинулись всей редакцией, и мигом на такси. Успели! Телеграфирую Менгелю в Копейск: «Купила». Он отвечает: «Срочно вылетаю». С самолёта поехал не в гостиницу, а ко мне домой, я в тот час была уже на работе. Встретил его мой отец. Звоню узнать, добрался ли Иван Иванович, и слышу звуки домры. Отец поясняет: «Иван Иванович даёт мне концерт, целых два отделения!».

А чего стоило внимание к нам самих героев. Однажды за полночь звонок в дверь. Набрасываю халат - на пороге председатель колхоза из Рязани Виктор Фёдорович Романов: «Прости, что в такое время. Я проездом. Меня внизу машина ждёт. Привёз тебе мешок картошки, такой в Москве нет». Или другой случай. Получаю уведомление о посылке. На почте выдают ящик весом в 12 килограмм. Тащу его и проклинаю всё на свете. Что за кирпичи! Открываю - целый пуд семечек! Господи, да что же с ними делать? Друзья смеются: «Бери гранёный стакан и выходи на Садовое кольцо торговать». А прислала их тётя Фрося из Тимановки Винницкой области. Там проходила вторая передача «От всей души». Тётя Фрося просила купить ей штапельные платки с розами. Платки купила, а деньги за них, естественно, не взяла. Тогда она в благодарность за подарок послала семечки! На другой день добрую половину посылки отнесла я в редакцию. То-то было радости! Грызли все, с утра до вечера. А потом разразился грандиозный скандал. Уборщица написала докладную: замусорили весь 12-й этаж! Не объяснять же ей про тётю Фросю и её добрые намерения.

Как давно это было! Ровно 30 лет назад. Время, время! Всё ставит на свои места. Нет, ни в коем случае я не хочу сказать, что всё так плохо на нынешнем телевидении. Есть отличные передачи, особенно на канале Культура. Не перевелись умные политики, талантливые учёные, серьёзные обозреватели. Слушать их интересно и поучительно. Только обычных людей, суть и соль земли, не видно на экране. Мне могут возразить: как это, как это? Какое шоу ни возьми, везде присутствует народ. Ой, ли?! Он представляет собой только фон, аплодирующую толпу, а то и оплачиваемых клакеров. В передаче под обещающим названием «Глас народа» народ-то как раз безмолвствует. Зато разглагольствуют высокопоставленные чиновники и набившие оскомину депутаты. А в программе под не менее обещающим названием «Свобода слова» отдельные представители народа выстраиваются в очередь к микрофону, чтобы за 10 секунд высказать своё мнение по тому или иному поводу. Но времени на них практически никогда не хватает. Нечего сказать, достойное место отведено в эфире народу, о судьбах

которого так пекутся устроители программ и его так называемые заступники.

Меня не раз спрашивали, может ли сейчас существовать передача «От всей души». Трудно оказалось ответить на этот вопрос. Наверное, может. Не перевелись ещё, к счастью, в великой России люди долга и чести... Не оскудела пока наша земля талантами, настоящими самородками. Ещё выращивают на полях хлеб, доят коров, выхаживают больных, разносят почту, берут на воспитание брошенных детей, спасают от наводнений, землетрясений, пожаров. Да и мало ли что ещё делают обычные люди по зову сердца и велению души? Вопрос в том, найдётся ли им место на каком-нибудь телеканале, появятся ли богатые спонсоры, которые пожелают заплатить за дорогое эфирное время. В этом я сильно сомневаюсь.

15 лет прожила передача «От всей души». Не так и мало! 15 лет собирала она у телевизоров миллионы и миллионы зрителей. Были у неё поклонники, были противники. А как иначе? Но то, что она - заметная страница в истории нашего телевидения, - этого у неё не отнять. Многие молодые коллеги пытались повторить эту форму. Не получилось, ибо брали они за основу только форму и упускали её глубинный смысл. А смысл заключался в том, что за судьбой отдельного человека просматривались судьбы тысяч и тысяч таких же скромных и достойных людей, и более того, судьба страны. И передача воздавала должное не избранным, увенчанным почестями и обласканными властью, а простым труженикам за всё, что они сделали, чем жертвовали ради блага своей земли, знакомых и незнакомых сограждан. Дороже всех наград для них была благодарная память.

15 лет, отданных передаче «От всей души», самые счастливые в моей жизни.